

Goodreads
Choice
Award

**ГРУППА
ПОДДЕРЖКИ
ДЛЯ
ВЫЖИВШИХ
ДЕВУШЕК**

ГРЕЙДИ ХЕНДРИКС

Хозяева тьмы

Грейди Хендрикс

**Группа поддержки для
выживших девушек**

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Хендрикс Г.

Группа поддержки для выживших девушек / Г. Хендрикс —
«Эксмо», 2021 — (Хозяева тьмы)

ISBN 978-5-04-175637-6

В фильмах ужасов последняя девушка – это та, кто остается в живых до самых титров. Та, кто дает отпор, побеждает маньяка-убийцу и мстит за своих друзей. Но что с ней происходит дальше, после того как затихают сирены и уходят зрители? Линнетт Таркингтон – реальная последняя девушка, которая пережила массовую резню двадцать два года назад, и это определило каждый день ее жизни. И она не одинока. Уже более десяти лет она встречается с пятью другими выжившими девушками в группе поддержки для тех, кто пережил немыслимое и восстанавливает свою жизнь по кусочкам. Вдруг одна из женщин исчезает и не приходит на встречу. Оправдываются худшие опасения Линнетт – кто-то знает о группе и полон решимости добить выживших.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-175637-6

© Хендрикс Г., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Группа поддержки последней девушки II	10
Группа поддержки последней девушки в формате 3D	18
Группа поддержки последней девушки IV: Возвращение последних девушек	27
Новый кошмар. Группы поддержки последней девушки	35
Группа поддержки последней девушки VI: Следующее поколение	44
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Грейди Хендрикс

Группа поддержки для выживших девушек

*Аманда,
истинная любовь – это когда
ты пропускаешь того, кого любишь, вперед.
Вот почему я решил,
что ты должна идти по этому льду
впереди меня.*

*Последняя девушка (суиц.) —
единственный оставшийся в живых персонаж фильма ужасов.*

Grady Hendrix
The Final Girl Support Group

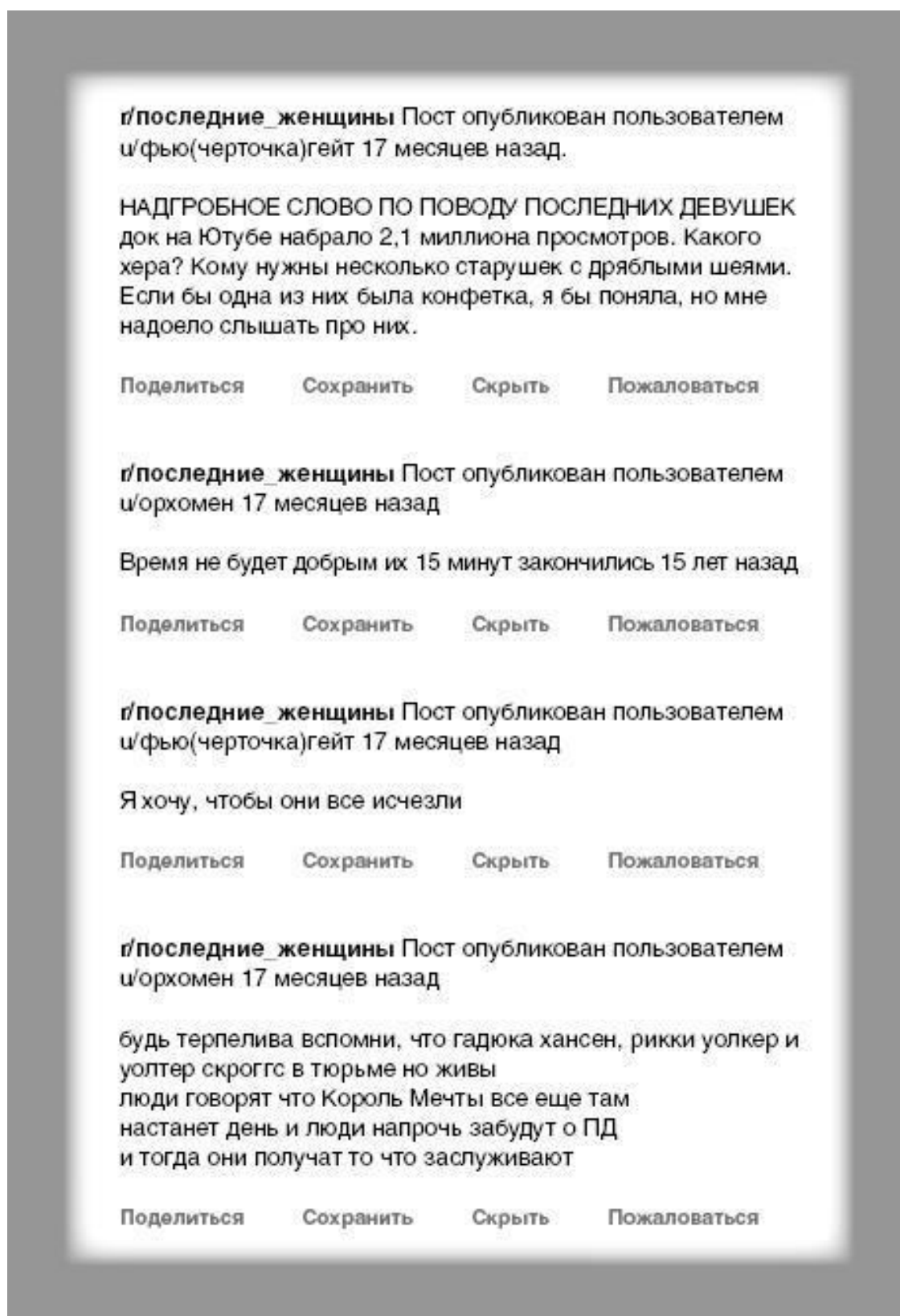
Copyright © 2021 by Grady Hendrix

Публикуется с разрешения автора и его литературных агентов JABberwocky Literary Agency, Inc. (США) и Агентства Александра Корженевского (Россия)

© Г. Крылов, перевод на русский язык, 2022

© Оформление, издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

– ветвь дискуссии из r/, субреддит ¹ последние_женщины

¹ Реддит (англ. Reddit) – сайт, сочетающий черты социальной сети и форума, на котором зарегистрированные пользователи могут размещать ссылки на какую-либо понравившуюся информацию в интернете и обсуждать ее. Создаваемые авторами посты образуют подразделы (subreddits). Каждый комментарий открывается буквой r (reddit) и слэшем (/).

Я просыпаюсь, встаю, говорю «доброе утро» моему растению, разворачиваю протеиновую плитку и выпиваю литр бутилированной воды. Я уже пять минут как не сплю и тут вдруг вспоминаю, что сегодня я могу умереть. С возрастом человек размягчается.

В общей комнате я потягиваюсь и делаю сорок ударов коленом, сорок ударов основанием ладони, потом бегу в упоре лежа, пока пот не начинает капать с меня на бетонный пол. Я ударяю себя по локтям, пока плечи у меня не начинают жечь, после чего я перехожу на беговую дорожку, устанавливаю скорость на «семерку» и пускаюсь бегом, пока у меня не начинают гореть бедра, а воздух – прорываться в грудь со скрежетом рашпиля, но и после этого я бегу еще пять минут. Я должна наказать себя – я была не вправе забывать о том, что поставлено на карту, в особенности сегодня.

Пока я принимаю душ, дверь в ванную должна быть заперта на навесной замок. Я стелю кровать, чтобы преодолеть искушение забраться в нее. Я готовлю чай, и только когда раздается щелчок электрического чайника, у меня начинается первая в этот день паническая атака.

Не очень сильная, только щемит грудь, словно чья-то гигантская рука сжимает мои легкие. Я закрываю глаза и сосредотачиваюсь на расслаблении горловых мышц, на глубоком дыхании, на доставке кислорода на самое дно моих легких. Две с половиной минуты спустя я снова дышу нормально и теперь могу открыть глаза.

Квартира – единственное место в мире, где это возможно. Спальня, общая комната, кухня и ванная, где я, приняв все необходимые меры предосторожности, могу закрыть глаза на две минуты. А там, в мире, не прекращается вечеринка с убийствами, и если я совершу малейшую ошибку – мне конец.

Я перехожу в общую комнату, включаю Си-эн-эн узнать, какой счет трупов на сегодня, и уже по самой первой картинке понимаю, что следующие двадцать четыре часа будут плохими.

Съемки летнего лагеря с летящего дрона в прямом эфире похоронены под другим мусором, который выводится на экран. В кадре легковушки, машины «скорой помощи», скопившиеся перед лесными домиками, мужчины в защитных костюмах бродят среди деревьев, желтая полицейская лента, блокирующая проезд по дороге. Потом начинается показ записей, сделанных предыдущим вечером, голубые огни, мигающие в темноте, и титр, ударяющий мне прямо под дых: *Реальная трагедия Красного озера повторяется.*

Я включаю звук и слышу именно то, что меня так пугает. Кто-то убил шестерых консультантов, которые в конце сезона закрывали лагерь «Красное озеро». Убийца использовал самое разное оружие – серп, дубинку, лук и стрелы, мачете, – и жертв было бы больше, но седьмая, шестнадцатилетняя девушка по имени Стефани Фьюгейт, сообщает мне бегущая строка Си-эн-эн, вытолкнула его из сенного сарая.

Убийца пока не опознан, но телевизор показывает школьную фотографию самой Стефани среди одноклассников. На ее лице улыбка, которая разбивает мое сердце. После вчерашнего вечера она уже больше никогда не будет такой счастливой, как на фото. Она теперь последняя девушка.

Вы смотрите фильм ужасов, в котором безмолвный убийца, прикончив наркомана, проститутку, фрика, диск-жокея и помощника шерифа, преследует теперь невинную девочку-няню. Именно она говорила, что не стоит им устраивать вечеринку в этом пустом летнем лагере, со взломом пробираться в этот заброшенный дурдом, не стоит купаться голышом в этом пустынном озере. В особенности еще и потому, что сегодня Хеллоуин, или День благодарения, или Весенний праздник посадки деревьев, или какой-нибудь юбилей одного из нераскрытых убийств прошлого. Убийца пришел с бензопилой / багром / мясницким ножом, а у этой девушки только быстрые ноги: ни мускулов, ни массы, ни дробовика. Есть у нее только здоровое сердце и типичное американское лицо. И тем не менее ей каким-то образом удастся прикончить убийцу, а потом она тупо смотрит куда-то перед собой, или падает в обморок в руки прибывших полицейских, или в истерике бежит к своему бойфренду, делает последний

глоток, выкуривает последнюю сигарету, задает последний не дающий ей покоя вопрос, после чего ее грузят в «скорую», а она визжит и визжит так, будто никогда не собирается прекращать.

Не задумывались, куда деваются эти последние девушки? После того, как копы снимают с них подозрения, после того как пресса напечатает их школьные фотографии – мордастые, с ортодонтическими улыбками, растрепанными волосами, эти фотографии неизменно попадают на обложки детективов? После бдений при свечах и мгновений молчания, после того, как кто-то посадит кустик в память об этом?

Я знаю, что случается с этими девушками, после того как подписаны все договоры с киношниками, после того как проваливается кинофраншиза, после того как ты понимаешь, что все остальные подали заявление в колледж, пока ты была заперта в реабилитационном центре, делая вид, что боишься темноты. После круга ток-шоу, после того, как твой третий психотерапевт говорит тебе, что он всего лишь твой торговый автомат по продаже антидепрессанта «Золофт» и никаких прорывов в ближайшем будущем ожидать тебе не приходится, после того, как ты понимаешь, что единственная интересная вещь, которая когда-либо случится с тобой, уже случилась, когда тебе было шестнадцать, после того, как ты перестаешь выходить из дома, после того, как ты начинаешь искать в интернете замочного мастера, пока другие женщины мучают Windows в поисках драгоценностей от «Тиффани», после того, как ты уже покинула город, потому что никак не могла справиться с выразительным поглядыванием на тебя родителей: «А почему не ты?», когда столько твоих друзей на том свете, после того, как ты потеряла все, пережила пожар, узнала по именам тех, кто вечно таскается следом за тобой, после всего этого ты оказываешься там, где нахожусь сегодня я: в подвале церкви в Бербанке², сидишь спиной к стене, пытаешься собрать по кусочкам свою вдребезги разбитую жизнь.

Мы – вид, которому грозит опасность исчезновения, за что я благодарна. Нас осталось всего шесть. Было время – я грустила от того, что нас так мало, но мы были существами восьмидесятых, а мир изменился. Прежде на наши памятные даты они протирали от пыли ящики с роликами или время от времени продлевали франшизы, но теперь остались одни нефтяные разливы и «Викиликс», «Чайная партия» и «Талибан». Наша шестерка принадлежит к другой эре. Мы невидимы для медиа. Вполне возможно, что нас уже вообще не существует.

Выключив Си-эн-эн, я понимаю, что просчиталась. Нас вообще-то семь, просто мне не нравится думать о Крисси. Никому не нравится. Даже упоминание ее имени может нарушить работу головного мозга, потому что она предатель. А поэтому я задерживаюсь на минуту, хотя у меня остается всего три часа, чтобы добраться до группы, и делаю глубокие вдохи, пытаюсь снова сосредоточиться.

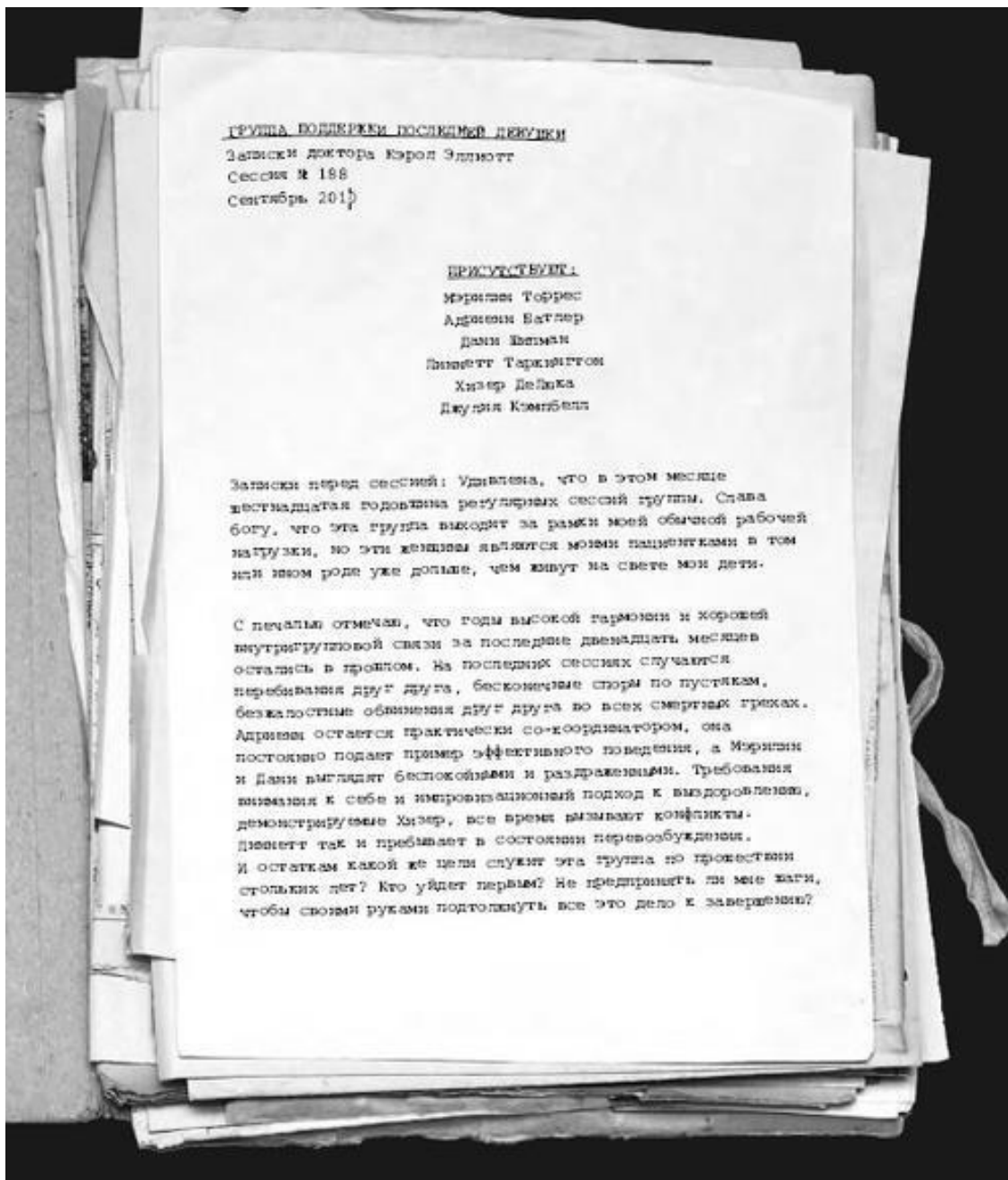
Судьба Адриенн была предопределена. С ней все это случилось в лагере «Красное озеро», но потом она купила это место и превратила его в приют для жертв насилия, в основном выживших после стрельбы в школе, и детишек, которым удалось бежать от своих похитителей. И судьба настигает ее там, где она живет. По крайней мере, это даст нам новую тему для разговора, кроме всех наших старых дел, о которых мы спорим по сей день.

Когда откладывать больше уже нельзя, я собираюсь. Встреча с группой – единственное время, когда я покидаю квартиру. Правда, еще раз в неделю хожу к почтовому ящику на другой стороне улицы, потом еще раз в месяц проверяю мои маршруты отхода, а раз в две недели хожу в магазин на углу – прикупить продуктов. Не люблю рисковать. Волосы у меня коротко подстрижены, потому что за длинные волосы можно схватить. Я ношу спортивную обувь на тот случай, если придется бежать. Я не ношу свободную одежду.

Я проверяю содержимое моих карманов – ключи, деньги, телефон, оружие. Пару лет назад, после одного происшествия, я перестала брать с собой огнестрельное оружие, когда

² Город, который расположен в юго-восточном окончании долины Сан-Фернандо в Лос-Анджелесском округе к северу от делового центра Лос-Анджелеса, назван именем поселенца Дэвида Бербанка, дантиста и предпринимателя.

собиралась ехать в общественном транспорте, но при мне баллончик с перечным газом, канцелярский нож в правом переднем кармане и бритва, приклеенная лентой к моей левой щиколотке. У меня нет наушников, я не надеваю солнцезащитных очков, я проверяю, плотно ли сидит на мне куртка, чтобы ни за что ненароком не зацепиться. Потом я прощаюсь с моим растением, набираю полную грудь воздуха, выхожу из квартиры на встречу с миром, который хочет, чтобы я умерла.

*Частные записки доктора Кэрол Эллиотт касательно сессии группы, сентябрь 2010

Группа поддержки последней девушки II

Овца из ваты говорит: *Иисус любит ягненочка.*

Тройка очень тощих духов, восстав из могилы, провозглашает: *Духи страшат... но не Святой дух.*

Он восстал! – кричит многоцветная путаница фломастерных подписей.

Одна из них заставляет меня замереть. У всех нас в группе сложные отношения к идее воскрешения.

Мы должны сидеть кружком, но мы впятером сидим разорванным кругом, буквой С, потому что ни одна из нас больше не сядет спиной к двери. Дани сидит в позе несгибаемого ковбоя, сложив руки на груди, вытянув ноги, перед ней стена, обклеенная строительным картоном с оранжево-черными изображениями хеллоуинских тыкв и злющих котов. Она последний человек в мире, кому требуется напоминание о приближающемся Хеллоуине.

Мэрилин сидит, скрестив ноги, в одной руке у нее стаканчик из «Старбакса», на коленях лежит новая сумочка, потому что она никогда не позволяет сумочке соприкоснуться с полом. Она сказала Джулии, что заплатила за сумочку тысячу сто тридцать пять долларов, но я ей не верю. Не может сумочка из искусственной кожи стоить таких денег, и Мэрилин ни за что не допустила бы, чтобы к ее коже прикасалось что-то, бывшее живым прежде.

– Мне трудно сосредоточиться, когда я голодна, – говорит Хизер в своем никогда не прекращающемся монологе под названием «Я не спала с 1988 года». Она подается вперед, руки у нее дрожат. – Потому что у меня низкое содержание сахара в крови.

Сегодня она будет ссылаться на снеки.

Джулия сидит в своем кресле-каталке, она явно скучает, постукивает пальцами по колесам. На ней футболка с иронической надписью «Лучший в мире папочка», она смотрит на большой помятый рисунок, изображающий летящего человека с прижатыми к бокам руками и подписью «Печальный Иисус мертв заживо».

Я прежде считала странным, что мы встречаемся в обстановке произведений искусства воскресной школы, но теперь я каждый месяц первым делом, после того как проверю линии прицела и пути отхода, осматриваю эти рисунки. Но не потому, что меня хоть каплю интересует художественное выражение кучки потенциальных жертв убийства. Я ищу предупреждающие знаки: изображения стреляющих пистолетов и окровавленных ножей, мальчиков, рисующих себя в виде монстров без шеи и с треугольными клыками, разрывающими на две части родителей. Я ищу признаки того, что кто-то из этих ребят, когда вырастет, станет моим врагом, еще одним монстром, который попытается убить всех нас.

– Может быть, – предлагает доктор Кэрол, – вам пойдет на пользу перекусить перед началом.

Доктор Кэрол – единственная в комнате, кто может сесть спиной к двери, – садится в разрыве буквы С, как садилась все шестнадцать прошедших лет, у нее идеальная осанка, в руке авторучка, на коленях блокнот. Доктор Кэрол относится к наваждению Хизер с таким же вниманием и озабоченностью, с каким она относится ко всему, что мы говорим.

– Это было бы отклонением от моего расписания, – говорит Хизер. – Поскольку я выздоравливающий наркоман, для моей воздержанности важно следовать расписанию, а потому мне приходится рано выходить из дома, ведь вы же знаете, что копы отобрали у меня права и пока так их и не вернули. Так что на дорогу у меня уходит больше времени, чем обычно, потому что я считаю важным не опаздывать. Уровень предусмотрительности у Адриенн явно значительно ниже.

– Я не сомневаюсь, что у Адриенн есть все основания для того, чтобы опаздывать, – говорит доктор Кэрол.

– Я сильно удивлюсь, если Адриенн вообще появится, – говорит Джулия. Она явно тоже видела Си-эн-эн. – С ней кто-нибудь говорил? Я пыталась дозвониться, но меня неизменно отправляли в голосовую почту.

– Я думаю, она просто выключила телефон, – говорит Мэрилин, потом на ее лице появляется гримаса, будто она понюхала говно. – Пресса.

Мэрилин после своего кризиса отказывалась участвовать в пресс-конференциях или давать кому-либо эксклюзивные интервью, что вызывало ярость у всех американских репортеров, а потом она вышла замуж за члена супербогатой и политически активной республиканской семьи, так что ей с годами стало доставаться сильнее всех, но это чувство знакомо всем нам. Телефон не перестает звонить, пока ты наконец не сдаешься; репортер, которого ты никогда не видела и который называет тебя по имени, настолько убедительно делает вид, что учился с тобой в школе, что ты сама начинаешь ему верить; дальняя родственница, которая появляется в больнице страшно озабоченная с включенным магнитофоном в сумке после проверочного звонка из «Нэшнл Инквайрер».

– Я не считаю, что мы вправе обсуждать ситуацию Адриенн с кем бы то было, кроме Адриенн, – говорит доктор Кэрл. – Я уверена, мы поговорим об этом, когда она придет сюда. А пока: что вы думаете о тревогах Хизер?

Наступает напряженный момент, мы все ждем – заглоти ли кто-либо эту наживку. Нет, никого не находится. Мы последние девушки. Мы умеем обходить ловушки.

– Я только хочу сказать, – говорит Хизер, прерывая напряженное молчание, – что у меня есть определенные потребности, а поскольку у меня нет преимуществ, которые есть у всех вас, то я бы очень хотела, чтобы мы выпили немного кофе, съели по булочке или что-нибудь другое, потому что эта большая пустая комната действует угнетающе.

Она явно не собирается спустить это на тормозах, что, впрочем, не удивляет меня. Мы из тех женщин, которые отвечали ударом на удар, как бы это ни было больно, которые выпрыгивали из окон здания на третьем этаже, которые тащили себя на эту крышу, когда наши тела криком кричали, требуя, чтобы мы перевернулись и умерли. Если мы что-то предпринимаем, то остановиться нам трудно.

– Меня не волнует, что там приносит Хизер, – говорит Мэрилин. Ее браслеты пританцовывают, когда она делает движение рукой со старбаксовским стаканчиком, на кромке которого осталась полоска ее темно-красной помады. – Принесите пиццу. И, бога ради, можем мы уже сменить тему?

– Это интересно, – говорит доктор Кэрл, хотя, кроме нее, никто так не считает. – Кто-нибудь еще чувствует то же, что Мэрилин?

После того как ты шестнадцать лет провела в одной комнате с шестью другими людьми, ты знаешь, что они сейчас сделают, еще до того, как они начали это делать. Это похоже на химическую реакцию, когда при соблюдении определенных условий получают определенные результаты. И, словно по сигналу, в этот момент начинает говорить Джулия.

– Я считаю, что, когда люди едят и пьют в группе, это называется неким отклонением от нормы, – говорит Джулия, потому что она не может упустить шанса возразить Мэрилин. – И стаканчик из «Старбакса» с надписью «Большой глоток» в руке Мэрилин – это реквизит, с помощью которого она показывает нам, что дистанцируется от группы.

– Я протестую, – говорит на свой техасский тягучий манер с напускным удивлением Мэрилин. – Откуда ты взяла эти глупости?

– Две сессии назад ты сетовала, что мы застряли в прошлом, – говорит Джулия.

Мэрилин оглядывает нас всех по очереди.

– Кто-нибудь еще думает, что все это так же необходимо, как прежде? – спрашивает она. – Глядя, как мы прицеливаемся и клюем, я чувствую, что нам всем не помешали бы каникулы. Не состоит ли смысл терапии в том, что в один прекрасный день она становится тебе ненужной?

Я чувствую, как сжимаются мои легкие, и считаю количество вдохов – семь вдохов, семь выдохов, медленно, ровно. Она не это имеет в виду. Группа – это центр для всех нас, даже для доктора Кэрл. Ее империя самопомощи построена на работе, которую она проделала с нами еще в девяностые, но причина, почему мы сейчас в этом церковном подвале, а не в одной из ее шикарных, готовых для телесъемок клиник, состоит в том, что это наша общая тайна, наше единственное безопасное место, где нет навязчивых поклонников и суперфанов, репортеров и очеркистов. И как только у Мэрилин язык поворачивается так свысока говорить о том, чтобы все бросить?

– Некоторые из нас не могут позволить себе каникулы, – парирует Джулия. – Не все вышли замуж ради денег.

– Дай бог тебе здоровья, – говорит Мэрилин. – Разве твой бывший не тем же самым занимался?

Это подло. Даже со стороны Мэрилин. Джулия все еще училась привыкать к своему новому существованию в кресле-каталке, когда вышла замуж за своего психотерапевта. Я прекрасно понимаю ее поступок. Приходит человек, который говорит, что спасет тебя, и ты бросаешься в его объятия и позволяешь ему принимать за тебя все решения. Тебе остается только надеяться, что к тому времени, когда ты очухаешься, этот человек не нанесет тебе непоправимого ущерба. В случае с Джулией нанесенный ей ущерб не был непоправимым. В случае с Джулией, когда она проснулась, он продал ее права на франшизу, очистил ее банковские счета и оставил ее ни с чем.

– Неужели группа станет теперь такой? – взывает к нам Джулия. – Сыпать оскорбления? Ковырять в старых ранах? У нас нет никаких причин, чтобы вести себя так низко. Мы сильные, мужественные женщины. Дани изобретательная и самодостаточная, у Мэрилин денег больше, чем у всех нас, вместе взятых, Адриенн – практически кандидат на Нобелевскую премию...

– А ты на какую награду претендуешь, Мерил Стрип? – спрашивает Хизер. – Потому что мне грозит серьезное обострение, если ты снова начнешь пересказывать свою биографию.

– Я и не собиралась говорить о себе ничего такого, – обиженно отвечает Джулия.

– Ты к этому вела, – говорит Хизер.

– Подумай, чего ты хочешь, – говорит Джулия, она складывает руки на груди и откидывается на спинку своего кресла-каталки.

Хизер сгибается пополам, ее грудь ложится на колени, одну руку она поднимает, словно клянется на Библии.

– Я дам тебе двадцать долларов, если ты сможешь, глядя мне в глаза, поклясться, что ты не собиралась начать перечисление всех своих ученых степеней.

– Вот это меня и огорчает, – говорит Джулия, обращаясь к доктору Кэрл. – Вместо того чтобы продуктивно использовать нашу энергию, мы стараемся уколоть друг друга. Личные конфликты – вот что уничтожает нашу группу сегодня. Это контрпродуктивно.

– Двадцать долларов, – повторяет Хизер.

– У тебя нет двадцати долларов, – отвечает Джулия.

– Я возьму взаймы у Мэрилин, – говорит Хизер.

– Касательно того, что ты делаешь, я бы не применяла слова «взять взаймы», – говорит Мэрилин.

– Не смей относиться ко мне свысока! – взрывается Хизер. – Я справлялась с такими вещами, какие тебе и не снились! Я имела дело с такой астральной херней высшего уровня, от которой ты бы в свои атласные трусики наложила.

– Остынь, Хизер, – говорит Джулия.

– Такая защитница, как ты, мне и на фиг не нужна, – говорил Мэрилин Джулии.

– Да, Джулия, – говорит Хизер.

– Хизер, ты смотри – осторожнее, – говорит Мэрилин.

– О'кей, давайте уже отойдем в сторону и оценим происходящее, – вмешивается доктор Кэрол. Я спрашиваю себя, не принимает ли она чего-нибудь такого, что помогает ей сглаживать острые углы на этих сессиях. По крайней мере, теперь никто не говорит о снеках. – Обратил ли кто-нибудь внимание на то, как быстро разговор Мэрилин и Хизер о еде перешел на личности? У кого-нибудь есть соображения о том, почему это произошло?

Если бы здесь была Адриенн, то мы бы не ссорились. Когда она присутствует, мы все чувствуем, что должны вести себя в соответствии с нашими репутациями.

– Это была шутка, – бормочет Хизер.

– Прекрати эту театральщину и выпивай кофе в «Старбаксе» перед приходом, – говорит Мэрилин. – Кофеин подавляет чувство голода.

– Некоторым из нас не по карману кофе, который покупают себе богачи, – говорит Хизер. – А в Обществе анонимных алкоголиков всегда бесплатный кофе и выпечка. Почему бы тебе не подарить мне карточку «Старбакса»? Ты ведь так или иначе мне должна.

– Дамы... – начинает доктор Кэрол.

– Что именно я тебе должна? – спрашивает Мэрилин.

– Ты меня облапошила на той сделке «Все звезды ужаса», – говорит Хизер. – Я все готовила, а ты пришла и все уничтожила. Как я могу отдать тебе долги, если ты постоянно меня облапошиваешь?

– Ты кому голову морочишь? – спрашивает Мэрилин, закатывая глаза. – Мы обе знаем, что ты никогда не возвращаешь долги.

Хизер готова взорваться, но я охлаждаю ее. Мы все ее охлаждаем. Мы слышали все эти ее монологи и раньше. Как Мэрилин смеет оскорблять ее честь? Как она может даже ставить под сомнение, что торжественная клятва наркоманки, которая курила, вдыхала и кололась всей химией, какая имеется на планете, не является юридически обязывающей? Как смеет Мэрилин предполагать, что слово Хизер не является вербальным эквивалентом незыблемого контракта, составленного командой юристов?

Хизер всегда мошенничает. Меня или Джулию она не трогает – знает, что денег у нас нет, но она постоянно донимает Адриенн и Мэрилин всякими проектами, лицензионными сделками, предложениями сотрудничества, заработками на внешности. Всевозможные отбросы этого мира давным-давно поняли, что Хизер – наше самое слабое звено.

– Я знаю, что деньги для некоторых из вас – стрессовый фактор, – говорит доктор Кэрол. – Не могли бы вы, Мэрилин, высказать ваши соображения на этот счет? Или вы, Линнетт?

– М-м-м, – мычу я, застигнутая врасплох. – Адриенн опаздывает уже на двадцать шесть минут.

– И что вы при этом испытываете? – спрашивает доктор Кэрол.

– Тревогу? – предпринимаю попытку я.

– Послушайте, – говорит Джулия. – Почему мы говорим о деньгах? Мэрилин считает, что группа больше не служит поставленной цели, а когда мы половину сессии тратим на то, чтобы порассуждать о снеках, я не могу не согласиться. Что с нами случилось? Когда мы настолько опустились?

– Я всего лишь хочу, – говорит Хизер, глубоко вздохнув, – чтобы кто-нибудь принес кофе с булочками. Точка.

Доктор Кэрол готовится обратиться к Великому Снек-Кризису 2010, но ее опережает Дани. Обычно она молчит, как воды в рот набрала, а потому если она начинает говорить, то все слушают.

– Я хочу сказать кое-что, – говорит Дани. – А потом вы сможете вернуться к снекам.

– Или не сможем, – говорит Джулия.

– Это моя последняя сессия, – говорит Дани. – Я заканчиваю.

Наступает длительное, жуткое молчание.

Дани вместе с Адриенн и Мэрилин – одни из первоначальных последних девушек. Потеря ее означала бы изменение группы, а группа никогда не менялась. Мы вместе встречали импичмент Клинтона и 9/11. Мы были здесь друг для друга после Колумбайна и Виргинского политехнического³. Когда в Массачусетсе легализовали гейские браки, мы все сбросились и купили Дани хорошенький маленький «Беретта Нано». Даже гравировку на нем сделали – ее имя и имя Мишель. Когда заново открыли франшизу Мэрилин и она предпочла прятаться, она по-прежнему раз в месяц прилетала в Лос-Анджелес и встречалась с группой.

Но в последние несколько лет доктор Кэрол заканчивала сессии на несколько минут раньше, Мэрилин стала менее терпеливой с людьми, Джулия стала назойливее в том, что касается политики, и у меня появилось впечатление, что, если бы не Хизер, некоторые из нас давно бы уже ушли. Но между нами всегда существовало безмолвное согласие в том, что мы должны приезжать и дальше, несмотря ни на что, потому что это единственная постоянная, надежная вещь в жизни Хизер.

Как это ни удивительно, сильнее всего сообщение Дани ударяет не по Хизер.

– Я поняла, что это знак, когда Адриенн опоздала, – говорю я, а потом закрываю лицо, чтобы иметь некоторую приватность, потому что я не могу идти в туалет в одиночестве.

– Боже мой, – говорит Хизер. – Она же плачет.

– Просто я удивлена, – говорю я, проводя рукавом футболки по глазам. – Это слезы удивления.

– Извини, – тихо говорит мне Дани.

Яжимаю плечами, но мне хочется кричать. «Вы всё уничтожили! Вы уничтожили всех и вся!»

Телефон Мэрилин начинает жужжать в глубинах ее сумки. Прежде у нас было строгое правило «телефон отключать», но и этому правилу мы позволили стереться за последние несколько лет.

– Все в порядке, – говорю я. – Все в порядке. Давайте сменим тему.

Телефон Мэрилин продолжает жужжать, и мне хочется заорать: «Да ответь ты уже! Возьми и ответь, потому что, если не ответишь, будешь до конца сессии задаваться вопросом, кто тебе звонил! А если собираешься не отвечать, то ведь с таким же успехом можешь и ответить!»

– У вас такой вид, будто вы собираетесь поделиться чем-то? – говорит мне доктор Кэрол.

– Нет, – отвечаю я, – мне нечем делиться. Просто я... просто я думаю, что Дани не понимает последствий своего решения.

– Езды в одну сторону два часа, – говорит Дани.

Играет цифровой ксилофон, и я перевожу взгляд на Джулию и смотрю на нее, пока она не выключает свой телефон. Неужели я одна соблюдаю запрет на использование телефонов во время сессий?

– И какие, по вашему мнению, будут последствия? – спрашивает доктор Кэрол.

Как же они не понимают? Джулия сидит в кресле-каталке со своими представлениями о жизни, свойственными студенту магистратуры, со своей хипстерской челкой, в иронической футболке, сидит рядом с Мэрилин, которая похожа на крупную черноволосую, всегда готовую к съемкам техасскую домохозяйку в каком-нибудь реалити-шоу. Хизер – сплошь вся длинные конечности, узловатые локти, чесоточные колени, ее едва удерживает от распада одежда, которую он взяла из контейнера с пожертвованиями, а Дани напоминает Брюса Спрингстина⁴, если бы тот был женщиной. Никто из нас здесь больше не на своем месте.

³ Известные в США случаи стрельбы в школах, когда погибли десятки учеников.

⁴ Брюс Фредерик Джозеф Спрингстин (р. 1949) – американский певец, автор песен и музыкант. Лидер группы «The E Street Band».

– Это совершенно очевидно, – говорю я. – Не думаю, что в этом кого-то из нас нужно убеждать. То есть мне это абсолютно ясно. Дани уходит, а после перестанет здесь появляться и Адриенн. Мэрилин и Джулия ненавидят друг друга, одна из них перестанет приходить после Адриенн, а Хизер использует это как предлог для того, чтобы снова вернуться к наркотикам. И кто тогда останется? Я? Если кто-то один из нас уйдет, все развалится. Может быть, не к следующей сессии, может быть, через одну-две. А то и три. И в конечном счете останется большая пустая комната со складными стульями и настенными фотографиями. Я хочу сказать, это совершенно ясно. Это никакая не катастрофа, никакая не проблема, ведь все когда-нибудь кончается и нам всем нужно двигаться дальше, а шестнадцать лет – долгий срок, я просто хочу сказать об этом, чтобы всем было понятно. Кто-то должен объяснить Дани, что именно она делает.

Телефон Мэрилин снова жужжит, ставя раздражающую точку в конце моей долгой речи.

– Мне сейчас нужно быть рядом с Мишель, – говорит Дани. – Я пришла из уважения, чтобы сказать вам об этом глаза в глаза.

Я думаю остаться дома в первый четверг следующего месяца. Я думаю, что моя жизнь сжимается до размеров моего квартала, до размеров моей квартиры, до размеров моих четырех комнат. Я думаю о том, что больше никогда не увижу другого человеческого существа, которое по-настоящему знает меня.

– Но после смерти Мишель ты останешься одна, – говорю я, зная, что говорить такие вещи не следует. – Тогда тебе понадобится мы. Ты приползешь назад.

– О'кей, – говорит Дани и встает. – У меня все. Адрес моей электронной почты вы все знаете.

– Оставайтесь, пожалуйста, – говорит доктор Кэрол. – Еще полчаса. Можете вы хотя бы сказать нам, что вас привело к такому решению?

Дани вздыхает и проводит рукой по своим коротко подстриженным волосам.

– Когда мне стукнуло пятьдесят, я поняла, что к концу я уже ближе, чем к началу. Я больше не хочу оставаться в прошлом. Я хочу жить дальше.

– И вы не считаете, что группа помогает вам жить дальше? – спрашивает доктор Кэрол.

– Это ничуть не о прошлом, – взрываюсь я.

– Не дерзите, – остерегает меня доктор Кэрол.

Я игнорирую ее.

– И как насчет нас? – спрашиваю я. – Мы тоже о настоящем. Мы ведь друзья, верно? Мы части жизней друг друга. Это обо всех нас. Это о... о нашей дружбе.

Дани оглядывает круг, ее взгляд задерживается на каждой из нас, а телефон Мэрилин продолжает жужжать, жужжать, жужжать, словно смеется надо мной, и я вижу, что Мэрилин ничуть не волнуется то, что происходит вокруг нее, она думает только о своем чертовом телефоне. А потом непроизвольно дергается рука Джулии – ее телефон тоже начинает вибрировать.

– Все, что я вижу, – говорит Дани, – это нескольких женщин, которых я едва знаю и которые одержимы тем, что случилось с ними в школе.

– Которых ты едва знаешь? – переспрашиваю я. Я даже не могу поверить тому, что она сказала это. – Да мы же знаем друг друга тысячу лет.

– А что мы знаем? – спрашивает Дани. – Ты даже не дала нам своего домашнего адреса. Когда кто-нибудь из вас последний раз спрашивал меня про Мишель? Я устала делать вид, будто это является чем-то таким, чем на самом деле не является.

– А как насчет Хизер? – кричу я, и мой голос эхом отдается от стен. Дани вглядывается в меня, потом поворачивается к Хизер.

– Хизер? – говорит она. – Что насчет тебя?

– Я не понимаю, что за чушь несет эта сумасшедшая, – говорит Хизер.

– Она собирается вернуться в прошлое, – говорю я. – Ты же знаешь, именно поэтому мы все и приходим сюда. Ты ведь знаешь, как необходимо ей это для жизни. Неужели ты не понимаешь, что это единственное, на что она может опереться? Если ты не хочешь оставаться ради себя, то останься ради Хизер.

У Дани смущенный вид. Мэрилин теребит свою сумочку. Хизер пощипывает кожу на запястье изнутри, сидя в своей классической позе, и на меня никто из них, кроме Джулии, не смотрит.

– Я думала, мы все приходим ради тебя, – говорит наконец Джулия.

Это шутка, одна из дурацких шуток Джулии.

– Ради меня? – Я смеюсь, но мой смех похож на сдавленный крик моржа. – Мы приходим сюда не ради меня. Зачем мне это нужно? Мне это ни к чему. Я в порядке.

Все молчат, даже Хизер, словно я всех поставила в неловкое положение, и сотовый Мэрилин снова начинает гудеть. Потом звонит телефон Джулии, и кому-нибудь нужно уже прервать молчание, а потому я поворачиваюсь к ним и говорю то, что мне до смерти хотелось сказать последние пять минут.

– Бога ради, ответьте вы уже на ваши долбанные звонки.

– Я думаю, нам всем нужно передохнуть и перегруппироваться, – говорит доктор Кэрол. – Что вы скажете, Линнетт?

– Мне никакой отдых не требуется, – говорю я. – Если кому и нужно передохнуть, так это Дани. Так она отталкивает от себя людей.

– Это я отталкиваю от себя людей? – спрашивает Дани.

– А как еще это назвать? – говорю я. – Ты живешь бог знает где. До твоего ближайшего соседа десять миль по дороге. Ты хочешь покинуть группу.

– Я состою в браке, – говорит Дани. – А ты?

Джулия пытается поучаствовать, потому что Джулии нравится считать себя самой разумной в этой комнате.

– Вы не слышите друг друга, – говорит она. – Доктор Кэрол права, давайте отдохнем.

– Знаешь что – иди в задницу, умная голова, – говорю я, напускаясь на нее. – Мы взяли тебя в группу только из жалости.

Джулия хочет что-то сказать, но Хизер, почуяв кровь, выходит на ринг.

– А почему бы тебе самой не последовать своему совету, Человек Дождя? – говорит она мне. – Ты ведь по большому счету даже не настоящая последняя девушка.

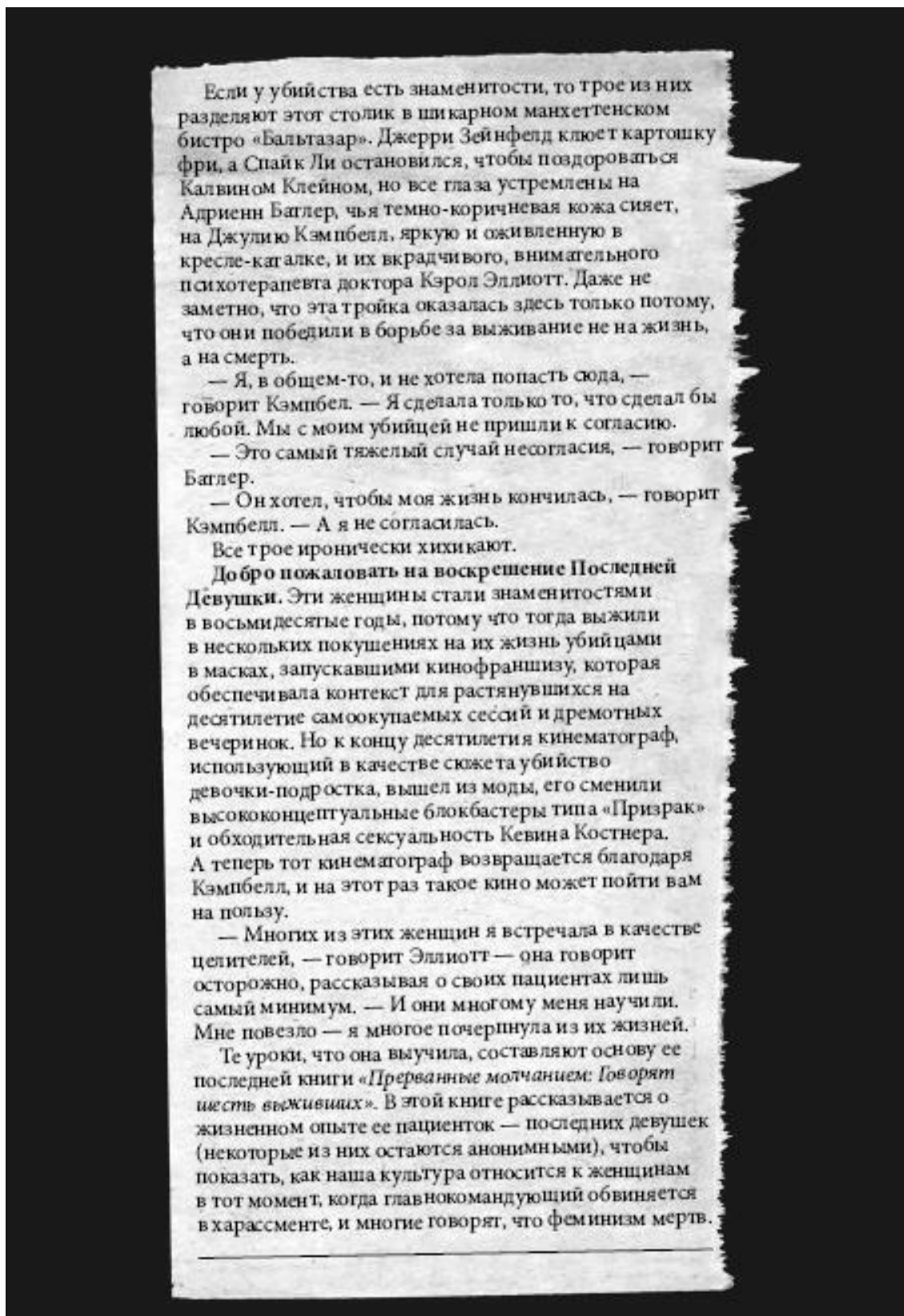
Я понимаю, что это зашло слишком далеко. Я открываю рот, чтобы попытаться поставить ее на место, но тут Мэрилин останавливает меня. Мэрилин останавливает всех.

– Дайте мне слово, – говорит она так медленно и тихо, что мы все поворачиваемся и начинаем поедать ее глазами, а она поедает глазами свой телефон. Мы все в глубине души чувствуем: надвигается что-то ужасное.

– Адриенн умерла, – говорит Мэрилин.

Я чувствую впрыск адренокортикотропина мне в кровь и, как следствие, активизацию моей надпочечной железы, мои сосуды сужаются, словно натягивается сеть, ноги и руки холодеют, зрачки мгновенно расширяются, и в комнате становится светлее. Мышцы напрягаются, отчего волосы у меня на предплечьях встают дыбом.

Монстр таки достал ее. Монстр в конце концов достал Адриенн. Следующей может стать любая из нас.

* «Никогда не говори «умерла»: Последние девушки возвращаются», журнал «Тайм», 1998.⁵

⁵ Тип художественного произведения, замысел которого основан на неожиданной идее.

Группа поддержки последней девушки в формате 3D

Мы не держимся одной группой, мы рассеиваемся. Мы – последние девушки, мы сами заботимся о себе – вот чем мы заняты. Наверху яркий осенний лос-анджелесский день, в который, кажется, ничего плохого не может произойти. Нас можно принять за наседок-мамочек, которые выходят из церкви, где планировали воистину умопомрачительный карнавал с раскраской лиц и катанием на пони. Мэрилин идет к своему «Мерседесу» класса Е и разговаривает по телефону. Джулия берет подъемник на парковку, там устанавливает свое кресло в заднюю часть салона минивэна, потом на костылях добирается до водительского сиденья. Хизер, пройдя по передним дворам и подъездным дорожкам, сворачивает в сторону Аламеда. Большинство людей не в состоянии отметить единственную деталь, которая делает нас разными: Дани стоит у своего пикапа, с матово-черной «Береттой Нано» в руке, которая заведена за ногу. Дани наблюдает: не грозит ли нам какая-нибудь опасность.

Я чувствую собственную хрупкость и непрочность, я вся исполнена негодования, но у меня есть моя система, которая совершенствовалась много лет и теперь наконец начинает действовать, обеспечивает мою безопасность. Я иду к автобусной остановке, мое экстрасенсорное восприятие пригорожанки действует на полную. Я держусь улицы, иду снаружи припаркованных машин, избегаю тротуаров, верчу головой, проверяю углы, оцениваю опасности.

Моя способность сосредотачиваться продолжает ухудшаться – это спровоцировано словами Джулии. Я посматриваю на людей, идущих за мной, на машины с номерами других штатов, на мужчин в солнцезащитных очках и шляпах, надвинутых на самые уши, а в голове у меня продолжается спор с Джулией.

Я никакая не проблема. А вот этот тип в припаркованной машине только делает вид, что разговаривает по телефону, или и в самом деле разговаривает? Почему он сполз по сиденью пониже, когда я обратила на него внимание? Я не психопатка. Не я та причина, по которой мы все приезжаем в группу. Это за Хизер мы должны беспокоиться. Это ей мы нужны. У меня-то мозги на месте. И с безопасностью у меня все в порядке. Эта «Хонда», которая делает правый поворот, с номерами Юты. Я запоминаю номер на тот случай, если она появится еще раз, обогнув квартал. Смотрю на тонированные окна. Смотрю – нет ли где мотоциклов. Я не думаю о том, что сказала Джулия. Я не думаю о том, что никто с ней не спорил. Смотрю – нет ли на улице минивэнов. Чтобы не случилось никаких неожиданностей.

Расслабляюсь я, только сев в городской автобус. На улице к тебе может подойти кто угодно и с любой стороны. В автобусе число углов атаки ограничено. Внутри рекламируют выходящий на экраны фильм ужасов, и красные афиши возвращают мои мысли к Адриенн, но мне нужно оставаться сосредоточенной. Сзади сидят какие-то парни с ящиками для инструментов, они сидят, наклонив головы, целиком погружены в свои телефоны. Мужчинам, в отличие от нас, не обязательно на все обращать внимание. Мужчины умирают от того, что совершают ошибки. Женщины? Мы умираем от того, что принадлежим к слабому полу. Взять хотя бы ту же Адриенн. Нет, ты смотри на их обувь. Запоминай их лица, их одежду, их обувь. В особенности их обувь.

Я еду в автобусе до самого центра, схожу в Оливе и, выбирая многолюдные улицы, иду до ближайшего мультиплекса. Остановившись снаружи, прислоняюсь спиной к стене и делаю вид, что проверяю телефон. Если кто-то преследует меня, то ему придется либо резко остановиться, либо пройти мимо. В поле моего зрения появляются ярко-белые «Найки», сияющие черные «Рокпорты», «Тимберленды» с толстенными шнурками. Если кто-то меня преследует, то он может без проблем сменить куртку или головной убор, а вот сменить обувь гораздо труднее.

Мне не нужно смотреть на линии крыш или проверять окна. Мне об обуви следует беспокоиться, потому что монстры в нашей жизни предпочитают подходить поближе и делать

свое дело, глядя в глаза. Выстрел снайпера – это все равно что отправка мне по почте пениса убийцы. Ему хочется прикоснуться ко мне.

Я покупаю билет, становлюсь в фойе спиной к стене и снова принимаюсь рассматривать обувь. Балетки от Бетси Джонсон, бежевые угги, детские тапочки расцветки конфетти, топсайдеры «Сперри».

Мой кинофильм на предварительном просмотре. Я сижу в первом ряду, в какой-то момент разворачиваюсь, будто ищу своего бойфренда. Показывают фильм для детей, так что взрослого мужчину легко будет увидеть, если он к тому же один. Не исключается – хотя такая вероятность довольно низка, – что тот, кто преследует меня, возьмет с собой для камуфляжа ребенка. Я задерживаю взгляд на рыжеволосом чуваке в майке, с двумя черноволосыми близнецами, а потом – на светловолосом бородатом мужчине с маленьким мальчиком. Оба они, войдя, оглядели зал, словно искали кого-то.

Когда фильм наконец начинается, я спешу к запасному выходу слева от экрана, сбегаю по лестнице, а с лестницы выбегаю на улицу. Ни рыжеволосого, ни бородатого я там не вижу. А вот что я вижу, так это еще одну «Хонду» с номерами из Юты, но с другими номерами. Я запоминаю и этот номер, отмечаю пыльные окна и забрызганный грязью бампер, стикер с тремя «А» на заднем стекле. Я сажусь в автобус до Беверли-центра.

В автобусе я нахожу кресло как можно ближе к водителю. На каждой остановке проверяю обувь. Стараюсь оставаться сосредоточенной – «Док мартенс», «Катерпиллар» со стальными вставками, поцарапанные «Найки», белые медицинские туфли, – но Адриенн все время отвлекает меня. Она и Джулия сбивают меня с толку. Ее кризис создает шаблон. Многие женщины, подвергнувшиеся насилию, остаются в живых, но те из нас, кто состоит в нашей собственной маленькой токсичной группе последней девушки, отличаются от других: мы убили наших монстров. Или нам показалось, что мы их убили, а потом это случилось с нами еще раз. Мы все считали, что Адриенн – единственная, у кого не было сиквела, но мы ошибались, потому что тридцать три года спустя сюда еще раз пришел ее монстр, чтобы закончить свою работу. Адриенн считала себя в безопасности, но она ошибалась. В чем еще мы ошибались?

Кризис у Адриенн случился тем же летом, что и у Мэрилин, и кризисы их были достаточно сходны, чтобы ими заинтересовалась пресса, но настоящая слава пришла к ней благодаря тому, что случилось позже с фильмами. Она была консультантом в лагере «Красное озеро», и персонал в тот день пришел рано, чтобы подготовить лагерь для приезжающих. Лесные домики нужно было проветрить, осиные гнезда – попрыскать из баллончика, лодки – достать из хранилища. В тот, первый вечер были убиты девять ее друзей. Четырех из них она почти не знала, они только в этом году устроились в лагерь консультантами, пятерых других она знала хорошо, поскольку они все приезжали в этот лагерь еще детьми. Двенадцать долгих темных часов изменили жизнь Адриенн.

Убийцей оказался бывший повар лагеря, отец-одиночка по имени Брюс Волкер, который заявил, что за двадцать лет до этого два консультанта позволили утонуть его сыну Тедди, потому что занимались сексом, пока он тонул. Он сказал, что Тедди восстал из могилы и убил всех консультантов, чтобы отомстить, хотя он так и не мог объяснить, почему Тедди ждал столько лет. Как бы там ни было, Адриенн пресекла убийства, обезглавив мистера Волкера его собственным мачете.

Дела пошли плохо, когда обнаружилось, что у Брюса Волкера не было никакого сына, утонувшего в Красном озере. Да что говорить – у него вообще не было сына. Брюс Волкер был одиноким стариком, который испытывал навязчивое влечение к детям и приветствовал свальный грех, но он сделал Адриенн первой последней девушкой, а Адриенн воспользовалась этим и воплотила в жизнь все свои мечты.

Раздается шипение пневматических тормозов, я оглядываюсь и вдруг не узнаю ни одну из пар обуви. Сколько человек я пропустила, предаваясь своим грезам наяву? За моей спиной

сидит морщинистая старуха с похожим на нее супругом, на обоих одинаковые выдавшие виды рибоксы и красные грязные бейсболки. Я не видела, как они сели.

Я нажимаю кнопку срочной остановки, с нетерпением жду, когда откроется дверь, и наконец вываливаюсь из автобуса. До Беверли-центра три квартала, а бежать я не могу, потому что в Лос-Анджелесе никто не бегают. Я иду быстрым шагом и успеваю сесть на четырнадцатый автобус. Это последний отрезок моего путешествия, и я попадаю на Красную линию, но в другую сторону, а когда доезжаю до остановки «Вермонт/Беверли» – состав уже стоит, но я успеваю сесть, на мгновение опередив закрывающиеся двери. В вагоне пятнадцать человек, и я выбираю место на одинаковом расстоянии от дверей по обе стороны от меня. Я осматриваю обувь, но ничего знакомого не вижу. Через пять остановок я перехожу на линию «Антелоп-вэлли».

Мне нужно вернуться домой, но я не могу ломать свою рутину. Я должна узнать, что случилось с Адриенн. Мэрилин дочитала остальную часть статьи с экрана своего телефона, но подробностей было мало: Адриенн была убита в своем доме мужчиной, но мне этого хватало, потому что именно с Адриенн из всей группы я разговаривала больше всего, именно к ней приезжала каждый месяц. Ну, хорошо, раз в два месяца. Иногда раз в три месяца, а в этом году, может, и того реже, но казалось, что и это немало. Суть в том, что она всегда находила для меня время.

Вернувшись наконец в Бербанк, я сошла на остановке «Аэропорт» и некоторое время ехала на челноке. Когда я убеждаюсь, что на каждой остановке челнока в него заходит только новая обувь, я пересаживаюсь в городской автобус, дважды делаю пересадку и почти три часа спустя после выхода оказываюсь у моего здания.

Каждый раз я добираюсь до дома новым маршрутом, но главное остается неизменным: двигайся медленно, делай кучу малых петель внутри более крупных, оставайся в готовности, оставайся в напряжении, смотри за обувью, не делай глупостей, оставайся живой. Линия между чрезмерной осторожностью и отсутствием осторожности принадлежит к тем линиям, которые можно пересечь лишь один раз.

Я даже не знаю, как выглядит изнутри кабинка лифта в моем здании; я всегда поднимаюсь по лестнице. Кабинка лифта – это коробка с одной дверью. В кабине ты бессильна даже против какого-нибудь крупного толстяка, потому что тебе некуда бежать. На лестнице у меня есть возможность выбора, к тому же лестница – это полезная кардионагрузка. У меня ушло некоторое время на то, чтобы обосноваться на третьем этаже, но эта высота идеально мне подходит: до окон с тротуара не дотянуться, а с другой стороны, велика вероятность выжить после прыжка из окна. Для начала я убеждаюсь, что в коридоре никого нет, потом открываю двойной засов и вхожу в мою клетку.

Когда я шестнадцать лет назад переехала в эту квартиру, в здании стояла сырость, и домовладельцу было все равно, какие реновации я произведу, если только работы в моей квартире не будут мешать остальным жильцам. У меня в то время еще оставалось немного денег, а потому мне удалось превратить мою квартиру в место по-настоящему безопасное.

Все мы по-разному реагировали на полученную нами травму. Дани стала самодостаточной, Адриенн обратилась к самопомощи, Мэрилин вышла замуж за деньги и засунула голову в песок, Хизер начала ширяться, Джулия стала активистской. Я? Я научилась защищать себя.

Моя клетка – большая коробка, обтянутая металлической сеткой и размером с телефонную будку, закрепленная в стене за моей входной дверью. Сетка прочная, а коробка такая маленькая, что никто не в состоянии набрать достаточную инерцию движения, чтобы выбраться из нее. Дверь коробки запирается на четыре электромагнитные задвижки. Открыть ее невозможно, если ты не знаешь кода, который нужно набрать на клавиатуре. Если же отключить электричество, то задвижки запираются автоматически. Если набрать неверный код, задвижки тоже запираются. Это способ остановить любого – без моего разрешения никто

далее этой клетки в мою квартиру не проникнет. Я бы предпочла металлическую входную дверь и камеры наблюдения в коридоре, но это привлекло бы внимание к моей двери, поэтому я остановилась на клетке.

Закрыв за собой входную дверь, я набираю код, и четыре задвижки открываются, после чего я вхожу в мою квартиру. Закрываю дверь клетки за собой и снова набираю код. Задвижки запираются, издавая ласкающий слух металлический скрежет, сообщающий мне, что я в безопасности. Я делаю глубокий вдох – у меня в квартире стоит ободряющий запах, такой же запах у хлорки.

– Привет, Файн, – говорю я моему растению. – Неважные дела. Я тебе все расскажу, только сначала возьму под контроль периметр.

Я жива только потому, что у меня есть сила воли и самоконтроль. Я открываю мой оружейный сейф, достаю мой «Спешиал» калибра 38. Если лучшие друзья девушки – бриллианты, то лучший друг последней девушки – надежный пистолет высокой убойной силы. У меня нет ни малейших иллюзий: такое оружие не остановило Рикки Уолкера в первый раз, не остановило оно и его брата, но две пули в сердцевину чьей-либо массы замедлит его на время, за которое я успею добраться до моей комнаты-сейфа. Вернее, стеного шкафа-сейфа.

С пистолетом в руке я обхожу квартиру. На это уходит пятнадцать минут. И только убедившись, что в квартире никого нет, что дверь моей комнаты-сейфа подготовлена, что мой сотовый заряжается, что занавески на окнах задернуты, что внутренние двери заперты – только после этого я сажусь, беру Файна, ставлю себе на колени.

– Адриенн, – говорю я ему и тут понимаю, что не смогу рассказать о том, что случилось с ней, не расплакавшись, но я все равно говорю: – Она умерла.

Так я и сижу некоторое время, мои слезы падают на листья Файна. Не вредна ли ему соленая вода, думаю я. Однако он не жалуется. Он хороший слушатель. Он мой лучший друг.

Файн – единственное живое существо рядом со мной, существо, за которое я несу ответственность. У меня немало времени ушло, чтобы решиться на это, но три первых растения, купленные мной, не выжили. Файн был четвертым, что маловато для последнего растения. Я – последняя девушка, он – последнее растение. У нас хорошая команда.

Мы вместе уже девять лет, и когда у него два года назад появились паутинные клещики, я вдруг поняла, что не смогу вынести его из дома вместе с другим мусором, и вот я три дня напролет протирала его листья с водой, потом с мыльным раствором, потом со спиртом, потом опять с водой, снова и снова, клевала носом над его листиками, смотрела, чтобы ни один клещик не остался живым. Я не хотела терять еще одного друга. Он выжил, и его листики были самыми блестящими, самыми чистыми из всех, что когда-либо поедал паутинный клещик. Теперь он совершенно здоров, но я все еще вижу на его ветках шрамы в тех местах, где росли листья, которые я не смогла спасти.

Слез у меня уже высохли, и я готова поведать Файну все подробности, но тут я вдруг понимаю, что никакие подробности мне не известны. Была ли Адриенн сегодня утром на Красном озере? А тот ролик, который видела, что это было – кадры, снятые на месте ее убийства? И вообще – были ли связаны два эти происшествия? Я ставлю Файна на письменный стол, и мы включаем Си-эн-эн. Во всех новостях – лицо Адриенн крупным планом. Живые последние девушки давно никого не интересовали, но я думаю, что мертвые подобны приезду цирка в провинциальный городок.

Большинство из нас держатся подальше от прошлого других, но недавно я по личным причинам заглянула в старое досье Адриенн, и фотографии, которые показывают по Си-эн-эн, мне знакомы. Единственный новый снимок – это фотография ее холодильника с открытой дверью, в котором лежит мумифицированная голова мистера Волкера, восстановленная цифровым способом, и это очень плохо. Это единственная фотография, какую я хочу видеть.

На экране весьма озабоченный ведущий Си-эн-эн, который никогда не был в той комнате, Адриенн тем временем откровенно говорит в камеру, словно умерла ее сестра, а не она. По крайней мере, Си-эн-эн озабочилось тем, чтобы эту историю представлял чернокожий ведущий.

– ...шокирующая смерть Адриенн Батлер, уцелевшей во время бойни, известной как Убийства в лагере на Красном озере. Наиболее всего Адриенн Батлер была известна как первая последняя девушка Америки. Она была лидером группы выздоровления, посвятила свою жизнь тому, чтобы перевернуть страницу...

Если тебе пятнадцать лет и ты смотришь только фильмы ужасов, то ты, вероятно, только теперь узнаешь, что Адриенн чернокожая. В сериале «Летняя бойня» ее сделали белой девушкой, и это была их ошибка. Я убеждена, именно поэтому в голове у Адриенн и родилась идея напасть на них. Она гордилась своим происхождением, и тот факт, что они делали фильмы, основанные на ее жизни, но уничтожали нечто столь важное, замотивировал ее.

Первый фильм серии «Летняя бойня» успел стать хитом, и вот-вот в свет должен был выйти сиквел, когда адвокат Адриенн подал иск о запрете показа. Ему пришлось подавать еще множество исков, и к тому времени, когда судья удовлетворил один из них, в кинотеатрах уже показывали «Летнюю бойню, часть III» в формате 3D. У Адриенн были семейные деньги и компенсационные выплаты от владельцев лагеря, а потому она смогла нанять настоящую акулу для борьбы с продюсерами фильма и приведения их к покорности. Когда студию вынудили сесть за стол переговоров, Адриенн рассказала мне, что за разговор у нее с ними состоялся.

– Что вы хотите от нас? – спросили они, предполагая, что она возьмет чек, запросит изменения в титрах – что-то такое, что не потребует от них серьезных изменений.

Она улыбнулась и сказала им:

– Я хочу все.

И она получила то, что хотела. К тому времени когда дело закрылось, ей принадлежали права на всю франшизу: три первых фильма и все будущие добавления. Им даже пришлось отдать ей сценарий, который они купили на четвертую часть. Дело Адриенн создало прецедент, и теперь права на историю стали принадлежать единственной выжившей, не семьям жертв, не студии, которая первой выпустила историю на экран, а последней девушке. Справедливо или нет, но после этого все изменилось. Это дало нам влияние.

А когда Адриенн получила права, она сожгла франшизу дотла. Все были уволены. На очистку дома у нее ушло два месяца, в течение которых студия визжала, как поросята на бойне, а их юристы пытались объяснить, что она не понимает, как такие вещи работали, как могли наступить ненамеренные последствия, почему постановщики и осветители будут голодать на улице. А потом она сделала то, чего от нее меньше всего ожидали: она снова щелкнула выключателем – и свет опять загорелся.

У всех трех фильмов «Летняя бойня» был ответственный продюсер, и Адриенн назначила эту женщину исполнительным продюсером и дала ей понять: на свете есть всего один человек, которому она должна угодить, и этот человек – она, Адриенн. Ее юрист заключил новый контракт со студией, и на следующее лето третья часть «Летней бойни» в формате 3D была выпущена в повторный прокат в кинотеатрах – так делались в те времена дела, а два месяца спустя на экраны вышла «Летняя бойня», часть четвертая.

Перед выходом четвертой части Адриенн ходила на все ток-шоу и постаралась всех поставить в известность о том, что прибыли от проката этих фильмов пойдут не в ее карман, а отправятся напрямую в ее некоммерческий фонд по предотвращению насилия по отношению к женщинам. Если на другие слэшеры⁶ навешивался ярлык «женоненавистнические», то на

⁶ Слэшер (англ. slash – «удар с плеча; рубить») – поджанр фильмов ужасов, для которого характерно наличие убийцы-психопата, который преследует и изощренно убивает одного за другим некоторое число людей, чаще всего подростков, в

«Летнюю бойню» пресса повесила нимб. Никто не чувствовал себя виноватым, покупая билет, потому что вся прибыль шла на благое дело. К середине девяностых в том, что касалось насилия против женщин, Адриенн стала второй Опррой Уинфри. Некоторые люди даже не знали о том, что она имеет отношение к этим фильмам.

Она писала книги, читала лекции, снимала низкобюджетные фильмы для телевидения, проводила семинары, совещания. На деньги от фильмов она выкупила лагерь «Красное озеро» и превратила его в приют для жертв насилия. Она была неутомимой, преданной, позитивной и жизнерадостной. Она была любимой последней девушкой Америки.

Мы рядом с ней выглядели как самозванцы, типа мы жили, не используя свой потенциал на полную катушку, типа мы должны спрашивать, что мы можем сделать для нашей страны, а не ставить решетки на окнах и обучаться стрельбе. Но Адриенн никогда не осуждала те выборы, что мы делали, и она определенно не считала, что я рехнулась.

Она никогда не была такой богатой, как Мэрилин, но она всегда проявляла больше щедрости. Она заплатила за переделку входа в дом Джулии – и теперь та может заезжать к себе на кресле-каталке. Когда в ее края переехала Дани, Адриенн заплатила за проводку к ней в дом линии экстренного полицейского реагирования.

– Это не для тебя, – сказала она. – Это для того, чтобы я могла спать, зная, что твои шансы еще немного улучшились.

Фильмы «Летняя бойня» представляли собой что-то вроде игрового движка⁷, молотящего потихоньку где-то в бойлерной империи Адриенн, превращая ее боль в кэш. В этой серии вышло девять оригинальных фильмов, больше, чем у кого-либо из нас. Была еще научно-фантастическая версия – события там происходили в будущем, в котором из криосна пробуждается беспощадный Тедди и начинает убивать людей на космической станции. Тут имела место перекличка с Королем Мечты Хизер, которого Адриенн придумала, чтобы дать Хизер шанс заработать какие-никакие деньги, но закончилось это плохо, потому что, ну, потому что Хизер. Были еще трансформеры. Плюшевые куколки. Как это ни странно, она никогда не настаивала на том, чтобы главную роль исполняла чернокожая актриса. У Адриенн всегда был реалистичный склад ума, когда речь заходила о том, кого средний американец считает жертвой, вызывающей сочувствие.

Как-то раз Джулия спросила Адриенн, не беспокоит ли ее, что память о человеке, который пытался ее убить, человеке, который убил ее друзей, хранят коробки для ланча и футболки. Что этот человек, возможно, более знаменит, чем Адриенн.

– Моих друзей убил не Тедди, – с улыбкой сказала Адриенн. – Никакого Тедди не существовало. Если бы Брюс Волкер знал, что его ложь помогает мне покончить с насилием, направленным на женщин, он бы в могиле перевернулся, и от этой мысли меня переполняет счастье.

Мы с Файном смотрим Си-эн-эн и узнаем, что, хотя у Брюса Волкера не было сына по имени Тедди, у него был племянник по имени Кристоф, и этому Кристофу исполнилось три года, когда его дядя умер. Теперь ему тридцать пять, и он зол как черт из-за того, что его семейная трагедия превратилась в глобальную империю развлечений, но никто и не подумал о том, чтобы отстегнуть ему процентик-другой.

Это имя мне знакомо. Кристоф – один из десятка психов, которые подавали докучливые иски к Адриенн, но у нее всегда оказывалось больше юристов и больше денег, а у большинства судей сложилось о нем мнение как о племяннике убийцы, пытающемся отнять деньги у одной из несостоявшихся жертв его дядюшки. Иски Кристофа стали игрой типа «Ударь крота»⁸, и в

типично случайной, неспровоцированной манере, лишая жизни нескольких за один день.

⁷ Игровой движок – базовое программное обеспечение компьютерной игры.

⁸ Игровой автомат с плоским столом и отверстиями в нем, в этих отверстиях появляются головы «кротов», и играющий должен успевать ударять их специальным молотком. Тот, кто ударит больше кротов, получает приз.

конечном счете Кристоф полностью сломался и впал в серьезное умственное расстройство, а потому решил взять пример с Голливуда.

Несколько лет назад он начал скрытно проникать на территорию лагеря «Красное озеро» и делал это, пока не получили ордер суда, предписывавший ему не подходить к лагерю ближе чем на тысячу футов. Он соблюдал это предписание до прошлого вечера, когда наплевал на судебный ордер, раскопал могилу своего дядюшки, отправился в лагерь, убил остававшийся там персонал, который закрывал лагерь в связи с окончанием сезона, потом его вытолкнули из сенного сарая, он ушел от копов, три часа ехал до дома Адриенн и уложил отрезанную мумифицированную голову своего дядюшки в ее холодильник. Когда она спустилась по лестнице приготовить утренний кофе, он вышел из кладовки и заколол ее, двадцать два раза вонзив ей в шею сзади нож для колки льда.

Как и у большинства из нас, человеческие контакты у Адриенн были сведены к минимуму, а потому тело ее обнаружили, лишь когда к ней приехала полиция сообщить об убийствах в ее лагере.

И в этот момент звонит мой сотовый. Я проверяю, кто звонит, и сразу же понимаю, что сейчас меньше всего хочу разговаривать именно с этой личностью. Мне нужно выпустить пар. Мне нужно прилечь с чем-нибудь утешительным. Я включаю «Нетфликс» и нахожу «Реальную любовь»⁹, но в этот момент слышу звук, который до сих пор, по прошествии стольких лет, все еще пугает меня.

Что-то колотит в мою входную дверь.

Я смотрю на Файна. Он испуган не меньше моего. Я переключаюсь на мой экран безопасности. Я ни в коем случае не могла оставить мою входную дверь мертвой зоной и потому вскоре после переезда вставила в глазок миниатюрную камеру.

У моей двери никого нет.

Снова стук.

Я ставлю Файна на стол, в стороне, чтобы он случайно не получил никаких повреждений, потом я беру мой.38 и снимаю с предохранителя. У меня за дверью есть вторая невидимая камера, она установлена пониже. Когда я переключаюсь на нее, мне становится ясно, почему я ничего не увидела в первой. Камера в глазке находится слишком высоко – она не может показать стучащую в мою дверь Джулию в кресле-коляске.

Я закрываю глаза, мне хочется, чтобы она исчезла. Она стучит еще громче.

– Я знаю, что ты дома, Линнетт, – говорит она, и я слышу ее через дверь, через мою клетку, через пустую комнату – ее голос проникает в мое безопасное пространство.

– Она уйдет, – шепчу я Файну. – Если мы будем сидеть тихо, не производить ни звука, она уйдет.

Никто не знает, где я живу. Я не езжу на машине, потому что не верю, что Департамент автотранспорта¹⁰ сохранит в тайне мой адрес. У меня нет библиотечной карточки. Я не участвую в выборах. Я делаю все, что в моих силах, чтобы не попасть в базы данных штата. С федеральными базами я ничего не могу поделать, так что мне остается только молиться о том, что они более защищены. Моего адреса не знает никто, но у этой медали есть и другая сторона – если я исчезну, то никто и не узнает. Сколько времени пройдет, прежде чем кто-нибудь заметит мое отсутствие? И что убийца будет делать со мной все это время?

И потому восемь лет назад я решилась на рискованный шаг. Джулия была тогда самым новым членом группы, и я думаю, что выбрала ее, потому что она была самой молодой. Я надеялась, что она по своей молодости будет делать то, что я ей говорю. Я проверяла ее два

⁹ «Реальная любовь» (англ. Love Actually) – британский фильм в жанре рождественских рассказов, режиссер Ричард Кёртис.

¹⁰ В некоторых штатах – аналог российского ГИБДД.

раза в день с помощью эсэмэски – в девять утра и девять вечера, так что она знает: я жива. На тот случай, если я пропущу проверку, я оставила ей запечатанный конверт и заставила ее пообещать, что она откроет его в этом единственном случае. В нем указано, где расположена моя квартира.

Джулия на экране перестает стучать и отъезжает от двери на фут. Она сдается. Она откатывается. Она играет с чем-то у нее на коленях, и тут звонит мой сотовый. Я лихорадочно ищу мой телефон, чтобы отключить звонок, но поздно. Она знает, что я дома. Эксцентричная Джулия кричит мне через дверь:

– Линнетт, прекрати чудить, это важно!

Мы с Файном не двигаемся, мы не производим ни звука, мы не дышим. На моем экране расцветают сигналы тревоги, когда эта предательница снова и снова звонит мне. После восьмой попытки она уходит.

Я вздыхаю с облегчением, то же самое делает и Файн, и мы смотрим друг на друга. Что теперь? Наше место обитания скомпрометировано. Что нам делать – оставаться или бежать? Если Джулия пришла сюда, я должна исходить из допущения, что кто-то шел по ее следам, а теперь ведет наблюдение за моей квартирой. Но я не могу уйти. Это мое единственное безопасное место.

Еды у меня достаточно, чтобы продержаться три недели. Мне ни к чему открывать занавески. Я выключу мой телефон и залягу на дно. Никто не сможет войти сюда. Здесь будет вполне безопасно. Пусть другие разбираются с «важными делами» Джулии. Мне нужно остаться живой.

* * *

Посередине «Реальной любви» в мою дверь снова стучат. Я приглушаю звук, включаю экран, перехожу на нижнюю камеру. У меня одно желание: чтобы Джулия оставила меня в покое. Кожа у меня натягивается, мышцы замирают. Рука, в которой я держу пистолет, немеет. Это Джулия, а рядом с ней на корточках сидит Призрак в его черной мантии и белой маске¹¹ и прижимает нож к ее горлу.

Это не вправду, это кино, я, вероятно, все еще смотрю «Нетфликс» и случайно кликнула один из фильмов принадлежащей Джулии серии «Удар кинжалом». Девушка на экране, играющая Джулию, превосходно изображает страх – у нее широко раскрытые глаза, распахнутый рот, дыбящаяся грудь, и у меня, когда я смотрю на нее, тоже начинается гипервентиляция.

Это кино. Только и всего. Я смотрю фильм, потому что это не может быть вправду, потому что я предпринимаю меры предосторожности. Я дотошная. Я не иду на риск.

И тут Призрак поворачивает на камеру свои черные дыры-глаза и достает лист бумаги.

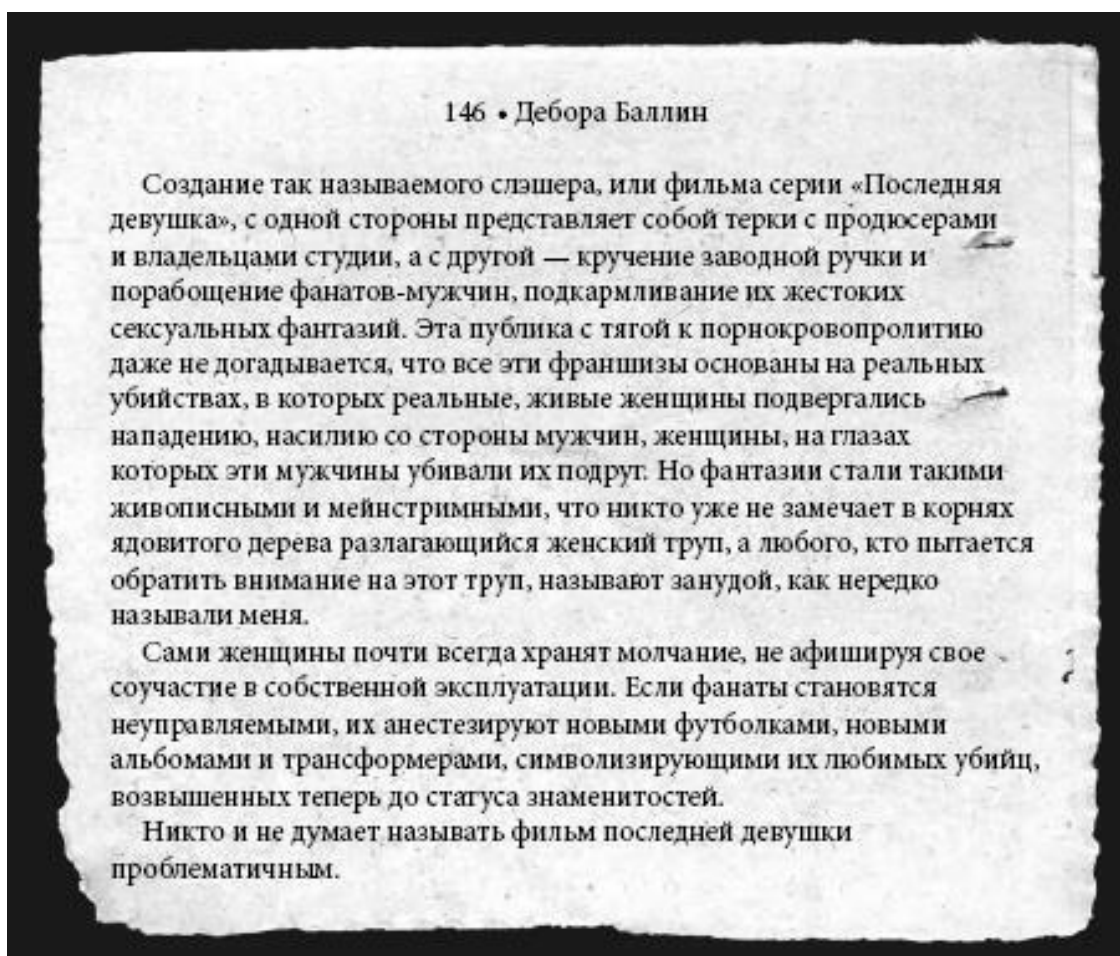
«Открой дверь, Линнетт, или она умрет», – фломастером написано на листе.

Мы все заключили договор. Мы никогда о нем не говорим, но я знаю, что он существует, точно так же, как я знаю, что родители любили меня, что моя квартира безопасна, что Файн – мой лучший друг: когда приходит монстр, мы помогаем друг другу. И не имеет значения, чей это монстр. Не имеет значения, что нужно сделать. Такое обязательство несут последние девушки, и группа – ежемесячное напоминание об этом соглашении.

Вот уж никак не думала, что Джулия будет первой, кто попросит о помощи.

¹¹ Здесь имеется в виду персонаж из серии фильмов ужасов «Крик». Этот персонаж по прозвищу Призрак (а точнее, Лицо Призрака – Ghostface) носит одеяние, включающее белую маску вытянутой формы, очень напоминающую лицо кричащего человека с картины «Крик» Эдварда Мунка, но скорее похожую на череп, нежели на лицо живого человека, на маске вытянутые черные глазницы и рот. Именно эта маска и придает маньяку сходство с призраком. Кроме того, маньяк носит черный балахон с капюшоном, черные перчатки, брюки и ботинки. В качестве главного оружия использует большой нож.

Я крепче сжимаю мой «Спешиал» калибра 38. Проверяю, снят ли пистолет с предохранителя. Потом я нажимаю кнопку, которая открывает мою входную дверь, и жду, когда монстр зайдет внутрь.

*Дебора Баллин, «Женщины – наше мясо, и это блюдо приятно на вкус», опубликовано в антологии «Заключительное слово о последних девушках», 1989

Группа поддержки последней девушки

IV: Возвращение последних девушек

Бзззззз – звучит механизм, открывающий задвижку на моей входной двери. Я принимаю позу стрелка, которую практикую каждый вечер, ту позу, которая означает, что все пошло не так, если уж я стою в ней в собственной квартире. Я целюсь много выше головы Джулии, точно в то место, где, как мне кажется, должен находиться центр туловища Призрака, а мои руки дрожат, запястья ослабели, пальцы онемели. Я не знаю, во что упирается мой указательный палец – то ли в спусковой крючок, то ли в предохранительную скобу, но я слишком испугана и не могу отвести глаз от двери, чтобы проверить. Клетка станет моей зоной поражения. Мне теперь не до страховки сзади. Я не могу думать о том, что случится с пулями, которые пробьют стены квартиры и вылетят в коридор.

Я в замешательстве.

Я не способна выполнять такие сверхзадачи. Моя реакция чрезмерна. Я совершила ошибку. Прежде я ни разу в жизни не направляла пистолет на человека. Я не занимаюсь такими делами, в городе не занимаюсь, в своем доме не занимаюсь, но я слишком испугана и не могу опустить свои затекшие руки, а потому стою, как идиотка, с пистолетом в руках, словно считаю себя этакой крутой сукой, а мой мир вовсе не распадается на части.

Подножка кресла-каталки распахивает дверь, и Джулия въезжает в клетку, мои мышцы при этом непроизвольно микроскопически сжимаются, но я не стреляю. Мне нужно сделать несколько глубоких вдохов, иначе я вырублюсь. Сетка для меня слишком мелкая, и я не вижу лица Джулии, но я точно знаю, *что* она чувствует. Я сама чувствовала то же самое прежде. Пока вы не испытаете то, через что прошли мы, вы и представить себе не сможете, насколько может быть испуганным человек.

У меня в ушах стоит пронзительный звон. Прямо перед собой я вижу клетку, а все остальное вокруг словно затянуто серым туманом.

«Я тебя защищу, – мысленно успокаиваю я Файна. – Дальше клетки он не пройдет».

Не знаю, с кем я говорю – с Файном или с самой собой.

Следом за Джулией входит Призрак. Я не думаю, что нажму на спусковой крючок, и тут я получаю ответ на мой вопрос: мой палец снаружи, прижат к предохранительной скобе. Мой мокрый от пота палец соскальзывает со скобы, хватка моей холодной как лед руки ослабевает, я в прострации. Я быстро опускаюсь на корточки, ловлю мой скользкий пистолет кончиками пальцев за миг до того, как он упал бы на пол, и даже не утруждаю себя тем, чтобы подняться или ухватить пистолет покрепче; мой палец нащупывает спусковой крючок.

– Линнетт! Линнетт! – кричит Джулия.

«Я спасу нас, Файн».

Призрак срывает с себя маску, это довольно странное поведение, но я не останавлиюсь, пока не почувствую себя в безопасности.

– Линнетт! Остановись! – кричит Джулия.

Я нажимаю спусковой крючок.

Звук выстрела ударяет в мои барабанные перепонки. Комната наполняется дымом. Мое запястье откидывается назад, и я получаю удар в лицо, чувствую вкус металла на своих зубах. Вдруг я понимаю, что сижу на полу.

– Я обоссался, – доносится до меня приглушенный мужской голос. – Обоссался.

– Линнетт! Это Расс. Это Рассел Торн!

Я поднимаюсь на ноги, пистолет у меня в левой руке. Я перебрасываю его в правую.

– Линнетт! – снова кричит Джулия. – Господи Иисусе. Не стреляй. Не стреляй. Какое у тебя кодовое слово? Господи Иисусе.

Я снова поднимаю пистолет. Призрак запутался в своем черном балахоне, пытается открыть дверь в коридор, но его защемило между дверью и креслом Джулии.

– Помогите мне! – кричит он. – Помогите, помогите, помогите!

Я навожу пистолет в самый центр его туловища.

– Линнетт! – кричит Джулия. – Это Рассел Торн. Он интервьюировал тебя.

Я знаю это имя.

– Рассел Торн, – повторяю я, но думаю в основном о том, что остановило мою пулю. Почему Призрак все еще жив? Почему Призрак – Рассел Торн?

Я еще раз нажимаю на спусковой крючок.

Клетка сотрясается, но на сей раз я остаюсь на ногах. На сей раз у меня одно только ощущение перелома запястья.

– Перестаньте стрелять в нас! – кричит Рассел Торн.

Маску он снял, и я вижу рыжую бороду, он перебирается через Джулию, сидящую в кресле-каталке, и внутри клетки переплетение мельтешащих рук и ног.

– Это была не моя идея! – кричит Джулия. – Но ты не открывала мне дверь.

Я очень, очень устала. Язык у меня не двигается. Веки словно свинцовые. В комнате висит дымок от выстрелов, он жжет глаза, вызывает сонливость.

– Я открыла твой конверт, – говорит Джулия. – Потому что нам надо поговорить.

Я столько времени тихо прожила в этой квартире, а теперь два раза стреляла из пистолета, через пять минут здесь будет полиция, и в следующие полчаса в эту квартиру войдет больше людей, чем входило за все шестнадцать лет.

Лицо у меня немеет. Я набираю кодовое слово на клавиатуре, и замок открывается. Джулия вкатывается в комнату.

– Дай Рассу полотенце, – говорит она дрожащим голосом. – Не могу поверить, что ты стреляла в меня. Мать божья, у меня сердечный приступ.

– Этого здесь не будет, – говорю я, показывая на маску и балахон Призрака.

Пистолет все еще у меня в руке, и Рассел бросает балахон, словно тот загорелся.

– В коридор, – говорю я ему.

Он чуть не падает, вышвыривая свою одежду в коридор, а потом захлопывает дверь. Файну это не нравится. Он предпочитает, чтобы мы были вдвоем. Он не хочет, чтобы здесь были посторонние люди.

– Слишком поздно, – говорю я ему.

– Что? – спрашивает Джулия. Одна ее рука прижата к груди.

Рассел смотрит на меня словно на сумасшедшую. Он измеряет расстояние до двери. Я подхожу к двери клетки, захлопываю ее, защелки становятся на свои места. Рассел подпрыгивает. Когда я отворачиваюсь от клетки, он уже сидит на моем стуле.

– Пересядьте на беговую дорожку, – говорю я. – У вас брюки мокрые.

Лицо его краснеет под бородой, но он делает что сказано. Он хочет за один раз оглядеть все, и его липкие глаза ползут по моим стенам, моему компьютеру, моим экранам, делают в голове заметки на память, составляют предложения обо мне («Спартанская квартира на одну спальню со стенами, выкрашенными промышленной желтой краской»), записывают суждения обо мне («Занавески плотно задернуты, словно она боится солнечного света не меньше, чем того человека, который покушался на нее тысячу лет назад...»), приходят к банальному заключению («Женщина в собственной квартире – как в волчьей яме, она отбывает срок точно так же, как человек, который...»).

Он делает вид, будто мы не разговаривали неделю назад.

Я разглядываю мою клетку. Вижу две рваные вмятины. Человек, который строил эту клетку, заверил меня, что пуля калибра 38 без проблем пробьет сетку, но он либо лгал, либо был глуп. Сколько других планов я строила, основываясь на ложной информации?

– Ух ты, – говорит Джулия, прикладывая усилия, чтобы ее голос звучал храбро. Она ощупывает вмятины дрожащим пальцем. – Ты и в самом деле в нас стреляла.

– Пули должны были пробить сетку, – говорю я.

– А вот я очень даже рад, что они не пробили, – говорит Рассел с пола, где он сидит на тренажере.

– Ты не должна была вскрывать мой конверт, пока я не пропущу проверку, – говорю я Джулии.

– Дело срочное, – говорит она.

– Это нарушение, – говорю я. – Это непростительное нарушение.

– Кто-то в группе пишет книгу, – говорит Джулия. – Племянник мистера Волкера знал об этом.

Меня вдруг начинает колотить.

– Ты почему сюда пришла? – бормочу я.

Кто-то начинает колотить мне в дверь.

– Пошли вон! – кричу я.

– Я вызываю полицию, – откликается женский голос.

Я смотрю на экран, куда ведет передачу камера. Это актриса – у нее квартира в этом же коридоре, на ней тренировочные штаны и незашнурованные кроссовки.

– Мы репетируем сцену! – кричу я ей.

Мы все видим на экране, что она удаляется по коридору и исчезает в своей квартире.

– Зачем ты приехала? – снова спрашиваю я.

– Затем, что я знаю: это Хизер, – говорит Джулия. – Мне нужно, чтобы ты помогла мне найти ее.

Рассел смотрит на меня с пола, самоуверенность возвращается к нему. Джулии нужны ответы. Человек, который убил Адриенн, знает, что кто-то из группы пишет книгу. Джулия думает, что книгу пишет Хизер?

– Мне нужна минута, – говорю я. – Мне нужно, чтобы вы оба помолчали с минуту.

Убийцей Джулии был Призрак. Облаченный в черный балахон и хеллоуиновскую маску, к тому же он оказался ее бойфрендом, фанатом ужасов, который хотел превратить ее в свою собственную последнюю девушку в их последний год учебы в школе. Он поделился собственным облачением призрака со своим лучшим другом, и они вдвоем прокладывали себе дорогу в жизнь через труп одноклассницы-выпускницы. Для них все эти мертвые девушки были одной большой меташуткой.

Они были умными парнями с хорошими отметками по оценочному тесту, достаточными для приема в колледж, парнями, которые ни к чему не относились всерьез, потому что считали себя умнее всех других. Но одно они не додумали: если Джулия станет их последней девушкой, то ей придется убить их. Как выяснилось, у Джулии с этим не возникло никаких проблем. Она сказала, что больше всего хлопот ей доставили их язвительные замечания. Сколько она в него стреляла, столько он отпускал дурацких шуток.

К девятинадцатым годам Америка потеряла интерес к последним девушкам, но, когда Джулия поступила в колледж, случился ее сиквел, и Америка вдруг насторожилась. Мы называем это сиквелом, потому что они почти всегда возвращаются. Один из ее одноклассников возжелал собственных пятнадцати минут славы и сам надел маскарадный костюм Призрака. Он убил пятерых человек, его арестовали, приговорили к высшей мере наказания, но потом заменили на пожизненное, а Джулия стала звездой судебного процесса. Все любят вернувшуюся королеву.

А второго Призрака она остановила, вытолкнув его из окна, чтобы спасти жизнь соседки по комнате. Вместе с ним вывалилась и она и в результате получила надлом позвонка L1¹². С того дня она может передвигаться только в кресле-каталке, поскольку верхние части ног у нее обездвижены. Ее инвалидность не вошла в сценарии фильмов, поскольку для исполнения ее роли пригласили физически крепкую балерину с невинными глазками. Так что, как выяснилось, спину она сломала даром. Ее соседка по комнате умерла по пути в больницу. Такова жизнь – непременно пинает тебя, когда ты и без того уже лежишь.

Психотерапевт Джулии получил повышение до мужа и убедил ее поучаствовать в ток-шоу. Я знаю, что это такое. Ты не хочешь, чтобы кто-то сердился на тебя, в особенности если этот кто-то – мужчина, и ты соглашаешься на то, что тебе не нравится, потому что нет дорожной карты для того места, где ты находишься, ничто не ведет тебя, кроме неоновой знака в твоей голове, кричащего: «Не сердись мужчину».

Ток-шоу не брали в расчет, насколько зла была Джулия. Она говорит, что даже сама этого не понимала. В первый раз она появилась на экране вместе с Салли Джесси Рафаэль¹³. Салли назвала ее вдохновением. Джулия, глядя ей прямо в глаза, сказала: «Так почему же вы не вдохновляйтесь на то, чтобы соорудить хоть какой-нибудь сраный пандус для кресел-каталок?» Продюсер следующей передачи позвонил посреди этого шоу и оставил в голосовой почте сообщение, гласившее, что им очень жаль, но ее не смогут принять в следующей передаче Эда Бегли-младшего с его биодизельным автомобилем¹⁴. Впрочем, ее больше не приглашали ни на одну другую передачу Эда.

Именно Адриенн привела Джулию в группу. Мы почти отказались ее принять, потому что она не умела ничего, кроме как устраивать скандалы. Джулия даже с Хизер умудрилась поцапаться, а любой человек, знакомый с Хизер хотя бы десять минут, знал, что цапаться с ней – занятие совершенно бесполезное. Потом, после сессии, во время которой Джулия пятнадцать минут читала Мэрилин лекцию об американском империализме, Адриенн пригласила ее в лагерь «Красное озеро» на уикенд. Джулия провела там целую неделю. Она не рассказывала о том, что там происходило, но что бы оно ни было, плоды оно принесло. Вернувшись, она погрузилась в чтение и получила параюридический статус, получила степень в области спортивной медицины, посещала курсы самообороны, научилась стрелять из своего кресла. Джулия начала замыкаться в себе, насколько она могла замкнуться в себе.

Еще она поняла, что ее бывший психотерапевт, а ныне муж, незаконно завладел всеми ее деньгами. Развод позволил ей избежать худшего сценария, но ей понадобилось какое-то время, чтобы заново собрать осколки своей жизни. Раз в год Рей Карлтон, второй Призрак, подает иск, и раз в год судья отклоняет его. Джулия ведет параюридическую работу по своему делу. Офис прокурора рад получить бесплатную помощь, и это дает Джулии чувство удовлетворения.

– Ты поставила под угрозу мою жизнь, – говорю я ей.

– Это пластмассовый нож, – говорит Рассел.

– Не в этом дело.

– У нас проблемы покруче твоей паранойи, – говорит Джулия.

– Ты поставила под угрозу мою безопасность, – повторяю я.

– Дамы, – говорит Рассел, – прежде чем между вами начнется свара, может быть, мы попробуем провести более предметную дискуссию.

Его непримиримой позиции противоречат его плаксивый голос и мокрые брюки в паху.

– Откуда ты знаешь, что кто-то пишет книгу? – спрашиваю я Джулию.

¹² Один из пяти поясничных позвонков, пятый снизу.

¹³ Салли Лоуэнталь (р. 1935) – больше известная как Салли Джесси Рафаэль, ведущая телевизионного ток-шоу в своей программе «Салли».

¹⁴ Эдвард Джеймс «Эд» Бегли-младший (р. 1949) – американский актер и защитник окружающей среды. Наиболее известной его ролью является доктор Виктор Эрлих из телесериала «Сент-Элсвер».

– Я ей сказал, – ответил Рассел.

Мне не подыскать нужных слов. Какой бы сценарий мне ни предлагали, Рассел просто уводил его в непонятном мне направлении. Моя тревожная сумка висит на крюке у клетки, я могу схватить ее и исчезнуть в считанные секунды.

– Кристофер Волкер, – говорит Джулия. – Ты видела новости? Ты знаешь, что он сделал с Адриенн?

Я не доверяю собственному голосу, а потому только киваю.

– Эта Стефани Фьюгейт, выжившая во вчерашней бойне в лагере «Красное озеро», – говорит Джулия. – Она сказала полиции, что Кристоф был настоящим треплом. Все время, что он ходил за ней, он рта не закрывал – болтал, что женщины, мол, и то, и это, про матерей-одиночек нес пургу, про гомосексуальную повестку дня, про свидетельство о рождении Обамы, про лагеря смерти Федерального агентства по управлению в чрезвычайных ситуациях. Она запомнила его слова о том, что он говорил с кем-то из нашей группы. Якобы этот человек из группы пишет книгу и спрашивал у него о подробностях его судебных разбирательств с Адриенн.

– Так что, дамы, – говорит Рассел, – у вас кто-то сливает информацию. И этот лунатик узнал, кто занимается таким делом.

– Это Хизер, – говорит Джулия.

Джулия не пользуется теми словами, которые в ходу у большинства людей – типа «я думаю» или «по моему мнению». Она просто выдает свое мнение за факт.

– Хизер не стала бы делать это, – говорю я.

– Она не испытывает к группе той преданности, какую испытываем все мы, – говорит Джулия. – Она и раньше пыталась написать книгу, так что нам известно: сама эта идея близка ей, а еще ей всегда нужны деньги.

– Это не может быть Хизер, – говорю я.

– Это, безусловно, Хизер, – говорит Джулия. – Я попыталась заехать к ней – ее дом на полпути сюда, но она так и не вернулась из группы. Вероятно, она узнала про Волкера и дала деру, она знала, что получит от нас выволочку.

– Но ты и меня считаешь сумасшедшей, – говорю я.

– Что? – переспрашивает Джулия.

– В группе. Ты сказала, что группа еще держится из-за меня, а не из-за Хизер. Что я сумасшедшая. Ты это так раздула.

– Понимаешь... – Джулия оглядывает мою квартиру. – Все это не слишком похоже на продукт здорового ума.

– Не хочу показаться грубым, – говорит Рассел, – но я понятия не имел, что вы не в себе.

– Заткнись, – говорит ему Джулия. – Линнетт, извини, если я как-то задела твои чувства и нарушила твое доверие. Но сейчас Хизер пишет книгу, которая всех нас поставит под угрозу. Какая-либо книга о группе – это практически руководство к действию для любого психически неустойчивого фаната, а еще и призыв пальнуть по этой кастрирующей материнской фигуре, которая убила их свихнувшегося супербога.

– У Хизер нет терпения, чтобы написать такую книгу, – говорю я. – И она слишком эгоистичная, чтобы делиться деньгами и с каким-то литературным негром. Книга не имеет значения. Важнее вопрос: как Волкер узнал домашний адрес Адриенн?

– Он как липучка, – говорит Джулия. – Такие люди не отлипают. Ты не чувствуешь главного. Неужели мне и в самом деле нужно объяснять, что произойдет, если некое откровение, повествующее о группе поддержки последней девушки, выйдет из-под пера Хизер ДеЛюки?

Мы все немало времени были публичными персонами, но публика не знает о группе. Я думаю: наши монстры гниют в тюрьмах или сидят в камере смертников, а их фанаты остаются на свободе. Я думаю о прессе, у которой снова проснулся вкус к нашей крови теперь, когда

одну из нас убили. Я думаю о том, что произойдет, если они узнают о наших ежемесячных встречах в подвале церкви в Бербанке.

– Я все еще не понимаю, почему здесь он? – говорю я, указывая подбородком на Рассела.

– Он позвонил мне узнать, что этот парень сказал про Волкера, – говорит Джулия. – А еще он спросил, не знаю ли я, где живешь ты. Я не знала, что он последует за мной сюда.

– Мне все же удалось добиться, чтобы вы открыли дверь, – хвастливо говорит Рассел, словно не обоссался прямо себе в штаны. – И это доказывает, что кое-какая изобретательность у меня есть. Вы еще узнаете, что сотрудничество со мной послужит вам только во благо.

– Он сообщил тебе, что сказал Волкер? – спрашиваю я. Это отвратительное ничтожество все эти годы было жужжащим комаром в наших ушах. Может быть, я все еще могу воспользоваться этим. – Откуда ты знаешь, что он тебе не лжет?

Рассел издает раздраженный вздох, наверное, жалеет, что мы – не мужчины, потому что тогда он мог бы общаться с нами как со взрослыми. Он подходит к окну, становится в театральной позе адвоката, обращающегося к присяжным, спиной к наглухо задернутой занавеске.

– Вы, дамы, всегда меня недооценивали, – говорит он. – Но я вам предлагаю проникнуться новым духом сотрудничества.

Он раздвигает мои занавески, смотрит на улицу. Я никогда не открываю занавески. С открытой занавеской я – мишень. На подоконнике слой пыли и дохлые пауки.

– Закройте их, – говорю я.

– Кто-то вызвал полицию, – говорит он, глядя на улицу. Он задергивает мои занавески. Поток света заставляет меня уйти глубже в комнату. – Этот квартал явно наводнен копами.

– В Калифорнии действует доктрина «мой дом – моя крепость», – говорю я. – Я имею все права стрелять из собственного оружия у себя дома.

С металлическим звуком бьется стекло, и уличный шум становится громче, когда что-то ударяет по противоположной стене. Возникает меловое облако рассыпавшейся в пыль штукатурки. По улице за окном прокатывается звук, похожий на удар грома.

трах-тарарах

И еще раз. Занавески в руке Рассела дергаются, и что-то откидывает Джулию к спинке кресла, ее голова, ударяясь об пол, производит такой же звук, как если бы упал пустой кокосовый орех. Через два отверстия в стекле в квартиру проникает свежий воздух. Я смотрю на осколок, который висает на миг, а потом рассыпается и со звоном падает с подоконника. Потом взрывается все мое окно.

ба-бахба-бахба-бахба-бахба-бахба-бахба-бахбууух

Моя крепость превращается в тир. Свинцовые зубы рвут занавески в клочья, разбрасывают осколки по полу, превращают оштукатуренные стены в крошку. Белая пыль висит в воздухе, обволакивает мое горло. Снайпер. Я вижу светлое дуло на крыше дома по другую сторону улицы. Крыша выше моего окна. У них идеальные линии прицеливания. Снайпер мне никогда не приходил в голову. Я никогда не думала, что они попытаются убить меня с такого расстояния.

Звуки такие, будто мой мир рвется пополам и это никогда не прекратится.

Рассел лежит, съежившись, на полу, голова втянута в плечи, руки обхватывают голову.

Вдруг все звуки смолкают.

– Они стреляют! – кричит Рассел в неожиданной тишине. – Они стреляют по нам!

Электрический разряд пробегает по моему позвоночнику, и я роняю пистолет, привстаю и несусь по комнате к Файну.

«Беру тебя, – думаю я, хватая его. – Я тебя не брошу».

Потом я поворачиваюсь туда, где лежит Джулия, переплетаясь со своим креслом. Она не двигается. Я делаю один широкий шаг к ней, мир снова взрывается.

ба-бахба-бахба-бахба-бахба-бахба-бахбууух

– Нет! Нет! Нет! – визжит Рассел. – Помогите мне!

Я пытаюсь подойти к Джулии, но стена крошится передо мной, пыль штукатурки застилает мне глаза. Я разворачиваюсь, упираюсь ногами в пол, меня тянет назад, и я теряю равновесие, падаю, сильно ударяюсь бедром. Файн перекачивается по полу, рассыпая землю.

– Файн! – кричу я, когда он останавливается в дальнем углу. Рассел отрывает себя от пола и бежит к входной двери, больно наступая мне на руку.

ба-бахба-бахба-бахба-бахба-бахба-бахба-бахбууух

Он бросается в сторону, неловко ударяется о стену и падает на пол. Я на ногах, снова пытаюсь добраться до Джулии, но пули отгоняют меня назад, мой мозг пылает, и я без всяких размышлений меняю направление, хватаю мою тревожную сумку, набираю код на клавиатуре, задвижка отходит в сторону. Я готова к тому, что пуля в любой момент вонзится мне в спину. Всё, чего я боялась долгие годы, реализуется в одно мгновение. Мои старые шрамы болят, как свежие раны. Я вижу перед собой только дверь, ведущую в коридор. В эту минуту я вовсе не выгляжу таким уж параноиком.

ба-бахба-бахба-бахба-бахба-бахба-бахба-бахбууух

Клетка вибрирует вокруг меня.

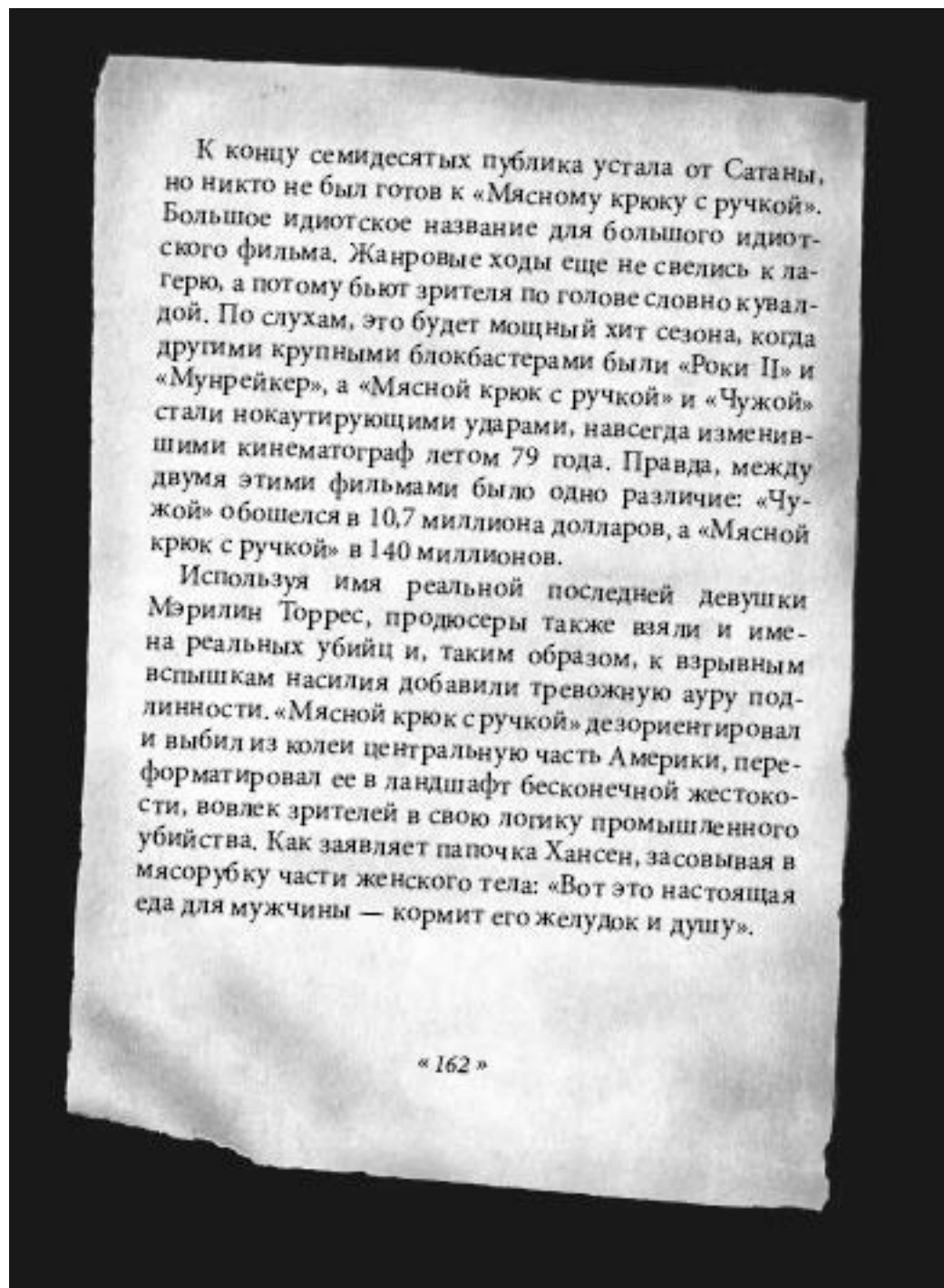
ба-бахба-бахба-бах

Не забыть поблагодарить того парня, что продал мне бракованную сетку. Я распахиваю дверь и бегу со всех ног.

«Простите», – думаю я через плечо Джулии и Файну.

«Линнетт! – кричит мне вслед Файн. А может, это Джулия. – Не оставляй меня!»

И вот я в коридоре, оставляю мой дом, моего лучшего друга, Джулию. И когда приходит время подводить итоги, выясняется, что спаслась я одна.

*Ник Элиот, «Американские крики: Срединная земля ужаса на карте», второе издание, 1998

Новый кошмар. Группы поддержки последней девушки

Я поворачиваю налево и бегу мимо одной, второй, третьей широко распахнутой двери, у каждой из них тотемный шест лиц на разной высоте, слишком испуганных, чтобы помочь, слишком любопытных, чтобы оставаться в квартире. Я пробегаю через дверь в конце коридора и несусь вниз по лестнице, молясь, чтобы полиция поднималась вверх лифтом, крепко держу ремни моей сумки, бегу слишком быстро, чтобы чувствовать себя виноватой из-за Файна, слишком быстро, чтобы думать о Джулии, перепрыгиваю через пять бетонных ступенек за раз, вытаскиваю мой пластмассовый шпатель из бокового кармана моего рюкзака.

Я вернусь за Файном.

Я обещаю.

У меня не было выбора.

Джулия поймет.

Внизу есть пожарный выход с задней части здания, на двери рычаг фирмы «Детекс» и красная табличка с надписью: *От себя, тревожный сигнал срабатывает автоматически*. Рычаг на виду, и я, как проделывала это сто раз и раньше, засовываю шпатель между рычагом и дверной рамой, потом толкаю тревожный рычаг, не активируя сигнал. Дверь открывается сама по себе, словно с этим нет никаких проблем, и я выскальзываю наружу.

Воздух на улице серый, по небу плывут оранжевые облака – солнце за холмами садится. Задняя сторона здания выходит на сеточную ограду, за которой такой же дом с такими же говенными квартирами. Я засовываю шпатель в рюкзак и бегу по окуркам и смятым пивным банкам к низкой дыре в ограждении – эту дыру я заметила давно и с тех пор проверяла каждый месяц.

Я на животе проползаю на соседнюю парковку. Я бегу трусцой по старому асфальту, одновременно пристегивая к поясу сумку, которая была приклеена липкой лентой к моей тревожной сумке-рюкзаку, ощущаю приятную тяжесть «Смит энд Вессона» в армейско-полицейском варианте. У него не очень высокая убойная сила, но нищие не выбирают.

Я не думаю. Пусть работает программа. Я трусцой бегу по улице, потом замедляюсь до быстрого шага, удаляюсь от моей квартиры, не оглядываюсь. У себя за спиной я слышу затихающие в моей голове крики Файна. Я оставила его. Прости.

Я оставила Джулию.

Я действую по программе. Свернув в сторону от моего дома, я направляюсь в парковочный гараж. Сумерки разрезают звуки сирены, мой дом становится магнитом для полицейских, он притягивает к себе все имеющиеся специальные автомашины. Проносится мимо еще одна машина, подтверждая эффект Доплера. Этот город – ловушка. Я не могу дышать.

На то, чтобы добраться до парковочного гаража, у меня уходит ровно пятнадцать минут. Я поднимаюсь по лестнице «А», держа в руке ключ от машины – от моего средства бегства, которое стоит на третьем этаже.

Давным-давно я решила, что не могу рисковать, регистрируя мой автомобиль в Департаменте автотранспорта, но у меня есть два фальшивых удостоверения, которыми вполне можно пользоваться в чрезвычайной ситуации, и я вот уже пять лет арендую парковочное место в этом гараже для «Шеви Люмины», которую купила за восемь сотен долларов. Раз в месяц я проверяю, заводится ли она. В багажнике у меня туристическая одежда, а план состоит в том, чтобы ехать в Эль-Пасо, а по пути исчезнуть из поля зрения. Страна большая, а передвигаться я могу быстро.

Первое, на что я обращаю внимание, когда сворачиваю с лестницы, – это низкая посадка моей машины, которая стоит в другом конце этажа. Я сжимаю в руке мой «Смит энд Вессон», не доставая его из поясной сумки. Преодолев половину расстояния до машины, я вижу, в чем

проблема: все четыре колеса у нее проколоты. Мой мозг раскаляется добела, но я доверяю программе и не колеблясь разворачиваюсь и быстрым шагом иду к лестнице. Я чувствую, как чьи-то глаза обшаривают меня.

Я не верю в совпадения. Кто-то каким-то образом узнал о моей машине, и этот кто-то привел ее в негодность. Закрыл мне этот путь к отступлению.

Я не кричу, потому что, возможно, за мной наблюдают. У меня нет панической атаки, потому что я заставляю мои легкие наполняться воздухом под завязку, хотя они и пытаются схлопнуться. Я не бегу посередине улицы, стреляя в каждого, кто кажется мне подозрительным, хотя таков и был первоначальный план. У меня есть запасной план к моему запасному плану, потому что одного было мало, а двух хватало. Этому меня научила Дани.

Я нахожу в своих контактах «СитиТакси» и звоню туда. Встречаю черно-желтую машину у булочной на углу, фотографирую номер такси. Водитель бормочет что-то о бизнесе по продаже футболок, а я сижу у двери, на коленях у меня тревожная сумка, пистолет в сумке направлен в спинку его сиденья. Как они сумели найти мою машину? Вероятно, меня выследили как-то вечером. Вероятно, они все спланировали заранее и теперь играют со мной в догонялки, а это означает, что игра идет по их правилам. Но моя козырная карта – камера хранения в Ван-Ньюсе.

Расплатившись наличными, я обхожу вокруг квартала, иду против движения к массивному бежевому бункеру-хранилищу. Шкафчики находятся на первом этаже, и я вхожу внутрь, а там направляюсь к A132. В этом шкафу хозяйственная сумка, в которой лежат три тысячи долларов, три смены одежды, еще один пистолет и патроны, кредитная карта и еще несколько фальшивых удостоверений. План состоит в том, чтобы добраться до вокзала «Юнион Стейшн» и доехать до какого-нибудь выбранного наобум местечка. У меня достаточно денег, чтобы на какое-то время залечь на дно, а когда все уляжется, я смогу подумать о следующем ходе.

Единственное мое оправдание в том, что в мозгу у меня жужжит рой пчел. Это мое единственное оправдание тому, что только на полпути к моему шкафчику я осознаю перемену: замок на нем вовсе не мой. Я использовала золотой замок с буквенным кодом фирмы «Йейль». Теперь я вижу серебряный влагонепроницаемый «Мастер-Лок». Я останавливаюсь как вкопанная. Я так испугана, что колени у меня не гнутся. Мои ноги вросли в бетон. Я чувствую, как камера наблюдения всматривается сзади в мою шею. Я чувствую, что кто-то наблюдает за мной из темных коридоров.

Они знали. Они знали про оба мои пути отхода. Теперь я не могу доверять ничему из того, что лежит у меня в шкафчике. Безопасность моих фальшивых удостоверений скомпрометирована, как и аварийная кредитная карточка, возможно, они пометили мои наличные и испортили патроны. Не исключено, что они прямо сейчас наблюдают за мной.

Я отрываю подошвы от пола, заставляю мои тяжелые ноги развернуться *сейчас*, потому что если они знали об этом пути отхода, то, возможно, они все еще находятся здесь, ждут, когда я появлюсь. Я иду со всей скоростью, на какую способна на моих онемевших ногах, потому что я чувствую, что какой-то человек в худи идет за мной, прижимает меня к шкафчикам, мясницкий нож движется туда-сюда, как игла швейной машинки, прошивая мою печень, только помещение хранилища пусто.

Я – черепаха без панциря, без всякой защиты, моя обнаженная плоть открыта миру. Я животное, сбитое на дороге машиной. Так меня когда-то назвала Хизер. Даже не настоящая последняя девушка, а просто кто-то, оказавшийся на пути монстра.

Ни один план не выдерживает контакта с врагом, но я никак не ожидала, что все мои планы рухнут так быстро, так бесповоротно. Оба мои пути отхода из города заблокированы. Я доверила мой адрес Джулии, но и тут случился облом. Я думала, что смогу воспользоваться Расселом, но и тут меня ждала неудача. Я думала, что моя клетка будет работать, но эти мои

ожидания не оправдались. Я думала, что смогу защитить друзей, но убежала и оставила Джулию умирать. Во всем провал, провал, провал.

Прости меня, Файн.

Следующее, в чем я отдаю себе отчет: я еду на бербанковском автобусе. Время из моей жизни было вырезано, и я, дернувшись, падаю назад в мою реальность. Рассматриваю обувь у всех пассажиров, но вдруг понимаю, что понятия не имею, где нахожусь. В тот самый момент, когда мне больше всего требуется способность сосредотачиваться, думать, мой мозг мне отказывает.

Я дергаю рукоятку аварийной остановки, выхожу и быстрым шагом иду по проезжей части в направлении против движения, стараюсь не бежать, растворяюсь в толпе, сажусь в автобус Оранжевой линии в тот момент, когда он уже готов тронуться.

Я сажусь за спиной транспортного полицейского, окна слева от меня, рука лежит на поясной сумке, и я заставляю мой мозг притормозить и подумать о фактах.

Кто-то стрелял в меня.

Они знали обо всех моих путях отхода.

Джулия мертва.

Нет-нет, вот это утверждение убери. Последняя девушка никогда не мертва, пока ты не увидела ее мертвого тела. Нам и раньше доставалось, но вот до сих пор живы. Она жива. Я не оставляла ее умирать. Она жива. Должна быть жива. Потом я дополняю список:

«Люди у меня дома».

Прямо сейчас люди в военных берцах, в служебных ботинках топают по моему полу, пинают Файна, разбивают горшок, ломают корни, обыскивают мои комнаты. Просматривают мой компьютер. Ищут меня. Четыре ружейных сейфа и тело Рассела – вполне достаточно для того, чтобы они заинтересовались, кто я такая. Мне нужна помощь.

Я нажимаю кнопку остановки по требованию, выхожу и, увидев пустые улицы, сразу же понимаю, что совершила ошибку. Здесь я совершенно беззащитна. Я выбрасываю мой телефон в мусорный бачок, отыскиваю открытый «Старбакс», вхожу внутрь. Сажусь за столик рядом с туалетами.

У меня в сумке одноразовый телефон, полностью заряженный, в нем записаны все мои контакты. Я достаю его и делаю звонок.

– Алло, – отвечает она со второго гудка.

– Доктор Кэрл, – говорю я. – Это Линнетт. Кто-то напал на меня. Мне требуется помощь. Она воспринимает это спокойнее, чем я предполагала.

– Где вы? – спрашивает она. – Я за вами приеду.

– Назовите мне ваш адрес, – говорю я. – Лучше я приеду к вам.

– Я бы не хотела, чтобы вы были у меня дома в эту минуту, – говорит она. – Если вам грозит опасность. Пожалуйста, поймите меня правильно.

– Кто-то пытался меня застрелить, – говорю я. – Они стреляли во всех нас. В меня, в Джулию, в репортера.

– Линнетт, – говорит она. – А чем занята полиция?

– Не знаю, – отвечаю я. – Я убежала. Это было... они стреляли в меня. Через мое окно.

– И вы уверены, что это была не ребячья шалость? Или не фейерверк?

– Пуля попала в Джулию.

– О мой бог, – говорит доктор Кэрл, и я впервые слышу в ее голосе нотки не профессионала, а обычного человека. – Она ранена?

– Я не знаю, – говорю я. – Я убежала.

– Убежали? – В ее голосе слышно осуждение.

– Я сначала позвонила 911, – лгу я, потом лгу еще: – Но сперва убедилась, что Джулия жива. Я бы не оставила ее истекать кровью на полу в моей квартире.

Вот только я оставила ее истекать кровью на полу в моей квартире.

– И в какую больницу ее увезли? – спрашивает доктор Кэрол.

– Стреляли они в меня, – говорю я. – Я не осталась поболтать о погоде с медиками. Я сделала то, что было правильно.

– Вы сделали то, что было правильно, – соглашается она. – Приезжайте ко мне в офис. Мне нужно полчаса, чтобы добраться туда.

– Нет уж, – говорю я, глядя на мою автобусную карту. – Ни в коем случае ни в одно из мест, которые являются частью вашей структуры.

Я называю ей адрес и говорю, что буду там через пятьдесят минут. Мы разъединяемся, и я трачу минуту на проверку моей сумки. Я настолько увлеклась проверкой боевой готовности пистолета и канцелярского ножа у меня в кармане, извлечением моей проездной автобусной карточки, что заметила приближающуюся ко мне фигуру, только когда она остановилась перед моим столиком.

– Мы закрываемся через пять минут, – говорит менеджер. Я чуть его не зарезала.

И теперь опускаю голову, киваю, извиняюсь, веду себя так, чтобы он побыстрее забыл о моем существовании, и направляюсь к двери, а на улице веду себя по системе: пересеживаюсь с автобуса на автобус, путаю следы, зная, что теперь – и это без малейшего сомнения – кто-то пытается следовать за мной. Это облегчает мою задачу.

* * *

Я в «Старбаксе» на углу Монтаны и Седьмой в Санта-Монике, допиваю мою вторую бутылку воды (паника вызывает обезвоживание), за окном полная темнота, когда подкатывает черный «Ауди S5» доктора Кэрол. Она медленно заворачивает за угол, ищет меня на другой стороне улицы, когда я открываю дверь и сажусь на пассажирское сиденье.

– Поехали, – говорю я.

– Боже, как вы меня напугали, – говорит она.

К счастью, она быстро набирает скорость, и мы въезжаем в лабиринт из пригородных домов.

– Вы в порядке? – спрашивает она. Я молчу. – Линнетт?

Я проверяю – убеждаюсь, что меня не подстерегают неприятные сюрпризы из задней части салона.

– Заприте двери, – говорю я.

Я слышу, как срабатывают защелки, пристегиваю мой ремень безопасности.

– Лучше всего по скоростной дороге, – говорю я. – Держитесь широких улиц без освещения. Не замедляйтесь перед знаками остановки, если возможно.

– Куда вы хотите?

– Я хочу *домой*, – говорю я, но слова застревают у меня в горле, и я снова проглатываю их. – Но я не могу домой, так что не останавливайтесь, езжайте.

– Что случилось? – спрашивает она.

Пока мы выезжаем на Десятую, я рассказываю ей все. Когда я заканчиваю, она некоторое время хранит молчание.

– Я обзвоню больницы, посмотрю, может быть, удастся узнать, что с Джулией, – говорит она. – Это не мог быть Билли Уолкер? Вы не знаете, где он?

Услышать его имя – все равно что лизнуть пепельницу.

– «Юинтас»¹⁵, камера одиночного заключения, – говорю я. – Я проверяю каждую неделю.

– А что насчет фаната?

¹⁵ Uintas – название тюрьмы штата Юта.

Я отрицательно качаю головой.

– Это не только я, – говорю я. – Утром Адриенн, потом я, а потом Джулия. Кто-то пришел за последними девушками.

– Давайте не будем делать поспешных выводов, – говорит доктор Кэрол.

– Я вам все уже рассказала, – говорю я. – Разве наши встречи теперь отменяются, потому что все кончено? Кто-нибудь всегда хочет нас убить. Это никогда не кончается.

– Нам нужно обратиться в полицию, – говорит доктор Кэрол.

– Ни за что, – говорю я. Гаррет П. Кэннон никогда мне не помогал, а его дружки не помогут и теперь, разве что запрут меня в камере, сделают неподвижной мишенью.

– Я понимаю, вас пугает одна мысль о том, чтобы обратиться к правоохранителям, – говорит доктор Кэрол. – Но именно они должны разобраться со всем этим. Кто-то пытался убить вас, Линнетт. Кто-то ранил Джулию. Это серьезно.

– У меня много оружия, – говорю я сквозь сжатые зубы. – У меня в доме мертвец. Кто-то прошелся очередью по моему дому. Копы остановятся на трех гипотезах: терроризм, терроризм и терроризм.

– Я поговорю с ними, – говорит доктор Кэрол.

– К тому времени когда они откажутся от чрезмерных реакций и начнут слушать, будет слишком поздно, – говорю я. – Неужели вы не понимаете? Стоит мне совершить одну ошибку – и я труп. Они много месяцев вели наблюдение за мной. Они знали, куда я пойду. У меня мгновенная реакция, и это единственное, почему я еще не мертва.

Я подтягиваю ноги на кресло, обхватываю себя за колени. Потом хватаю себя за волосы на висках с такой силой, что чуть ли не вырываю их с корнями.

– Мертва, мертва, мертва, мертва, мертва, – говорю я.

Доктор Кэрол прикасается к моему предплечью. Меня передергивает, и она убирает руку.

– Они в моем доме, – говорю я, и мне ненавистен собственный голос, срывающийся на визг. Я прижимаю голову к окну и начинаю медленно биться о стекло.

– Вам есть, куда пойти, Линнетт? – спрашивает доктор Кэрол.

Я думаю об отеле, мотеле. Или баре, или убежище в церкви. Я не могу пойти к Мэрилин или Дани. Сейчас не могу. Там кто-то поджидает нас, чтобы мы собрались все вместе – это облегчило бы их работу.

– Можем мы покататься какое-то время? – спрашиваю я.

Мне всегда лучше думается в машинах.

– Линнетт, – говорит доктор Кэрол, – поедem ко мне, а? Войдете в мой дом, отдохнете за ночь. Мы позвоним другим девушкам, проинформируем их, если вы считаете, что это важно, а утром сядем и все это обговорим.

– А кто у вас дома?

– Только Скай и Пэкс, – говорит она.

– Мужчины, – говорю я.

– Пэксу восемь лет, – говорит она, – и нам очень везет, если Скай раз в день выходит из своей комнаты. Он сидит за своим компьютером. У меня система сигнализации, ворота и гостевая комната. Поедем ко мне.

Единственные, кому я доверяю, – это другие последние девушки. Мы все прикрываем друг друга.

Кроме Джулии. Кто прикрывает Джулию?

Но доктор Кэрол нас понимает. Она шестнадцать лет с нами. Если я кому и поверю не из наших, то в первую очередь – ей.

– У вас есть комната без окон? – спрашиваю я.

– У меня есть физкультурная площадка в подвале, – говорит доктор Кэрол.

Похоже, выбор у меня не очень богатый.

* * *

Доктор Кэрол живет в двухэтажной гасиенде в Шерман-Оукс, там всё для того, чтобы успокаивать и утешать ваш дух, но там хватает всевозможных систем безопасности, какие могут позволить себе богатые люди: прожектора, реагирующие на движение, автоматические ворота, внутренний гараж на две машины, предупредительные стикеры охранной фирмы ADT, ненавязчиво приклеенные к стеклам в уголках окон, изящно спрятанные камеры наблюдения. Но и при всем при том я рада, что буду спать в подвале.

В доме светловолосый мальчишка без одного зуба переминается с ноги на ногу в кухне и сосет через трубочку гогурт¹⁶.

– Ма! – говорит он. – Ма! Ма! Ма!

– Пэкс, – говорит она. – Это Линнетт. Она моя пациентка, и она останется у нас на ночь. Он перестает переминаясь и, прищурившись, смотрит на меня.

– Вы сумасшедшая? – спрашивает он.

– Пэкс.

– Иди в задницу, – говорю я.

– Линнетт!

– Ма! Она сказала нехорошее слово!

– Пэкс, помолчи! – говорит доктор Кэрол. – Линнетт, это мой дом и моя семья. Вы должны вести себя должным образом, пока вы здесь.

Окна за раковиной выходят на задний двор, и я вижу стену вокруг двора, это улучшает мое настроение. И все же я остерегаюсь находиться на прямой линии стрельбы в окно.

– Прошу прощения, – говорю я, пытаюсь замирииться с мальчиком. В конечном счете мне нужен этот дом по крайней мере на эту ночь. – Но я не сумасшедшая, и мне не нравится, когда меня так называют.

Мальчик игнорирует меня и передает доктору Кэрол записку на клейкой бумажке.

– Ма! – говорит он. – Полиция звонила! Ты должна перезвонить этому дядьке!

Доктор Кэрол изо всех сил старается не смотреть на меня, но у детей хорошо развито экстрасенсорное восприятие.

– Они ее ищут? – кричит мальчик. – Она преступница? Террористка?

– Пэкс, ступай в детскую, – говорит доктор Кэрол.

– Нет! – говорит он. – Я тебя не оставляю одну с самоубийцей-бомбисткой!

Вот еще геморрой.

– Ты бы лучше показал Линнетт твой комикс, пока я перезваниваю этим людям, – говорит доктор Кэрол.

Не отрывая глаз от матери, которая набирает номер, записанный на клейкой бумажке, Пэкс берет свой рюкзачок и вытаскивает оттуда несколько листов бумаги на скрепке.

– Вот, – говорит он, продвигая листы мне. – Это «Военный призрак». Заплатите мне пять долларов.

Я игнорирую его, слушаю доктора Кэрол.

– Алло, говорит доктор Кэрол Эллиотт, – произносит она в трубку. Комикс повисает в моей руке. – Мне звонили с этого телефона – полицейский Фуллер. М-м-м-м... м-м-м... это ужасно. Нет, не знаю. Вы ее нашли? – Она слушает несколько секунд, потом говорит: – Пожалуйста, если узнаете что-нибудь, звоните мне по этому номеру в любое время. Ложусь я поздно, а встаю рано. Дайте-ка я дам еще вам и мой мобильник. По нему можете звонить круглосуточно. Да, верно.

¹⁶ Детский йогурт низкой жирности.

Она отключается.

– Пэкс, выйди в другую комнату, – говорит она.

– Ма-а, – хнычет он.

– Немедленно! – рявкает она.

Он вырывает «Военного призрака» из моей руки. Я смотрю на доктора Кэрол, жду плохих новостей, но она ждет, когда Пэкс исчезнет с глаз. Когда он уходит и не может больше слышать ее слов, она поворачивается ко мне.

– Диспансер Хизер сгорел дотла, – говорит она.

– Я же вам говорила! – ошарашенно произношу я, но она в ответ только качает головой.

– Они нашли средства для производства наркотиков в подвале, где начался пожар, – сказала она. – Никто не умер, но несколько человек ранены. Хизер пропала. Они считают, что поджог совершила она.

Я бы тоже так подумала, если бы сама не была последней девушкой.

– Они приходят за нами, – говорю я. – Защищают нас одну за другой. Мы должны позвонить в «Юинтас» и проверить, там ли еще Билли. Мы должны выяснить, где все они, все монстры. Это сиквел, или эклектика, или я не знаю что.

– Линнетт, вам нужно успокоиться, – говорит доктор Кэрол. – Сейчас мы не знаем ничего.

– Я знаю все! – кричу я. – Я знаю, что происходит! Почему никто меня не слушает?

– Не кричите на мою маму! – что-то острое вонзается мне в ногу.

Я смотрю на Пэкса, который обнажает зубы, глядя на меня, в одной руке он держит карандаш. Карандаш не порвал джинсов, но синяк останется.

– Оставьте ее! – рычит он.

Я с силой толкаю его, и он приземляется на задницу, его рот принимает форму комического «О». Я смотрю на доктора Кэрол, ее рот принимает такую же форму.

– Я должна остаться одна, – говорю я и выхожу из комнаты.

* * *

Доктор Кэрол дает мне постельное белье и надувной матрас. Физкультурный зал запирается изнутри. Окон там нет, и я, подтащив эллиптический тренажер, чтобы заблокировать им дверь, устраиваю себе гнездышко в уголке, ставлю телефон на зарядку, ставлю громкость звонка на максимум, кладу под подушку «Смит энд Вессон». Потом пытаюсь обдумать случившееся.

Кто пришел за нами? Фанат? Должно быть, так. Монстры в нашей жизни разборчивы в своих целях касательно последних девушек, как обычные люди разборчивы в своих заказах в «Старбаксе». Черная худая женщина-консультант с высоким болевым порогом и дополнительным выстрелом. Миленькая нянька-лесбиянка, которая не боится вонзить кому-нибудь нож в глаз.

Но откуда у них такая организованность? Фанаты последних девушек одинокие и психованные. Тот тип людей, которые перемещаются, чтобы быть поближе к серийному убийце, и которые мечтают заполучить ребенка маньяка. Тот тип людей, которые одевались, как Рикки Уолкер, и маршировали вокруг моего дома, которые шли за моей приемной матерью в моллы и пытались украсть ее использованную прокладку для ритуалов вуду. Они ничуть не мыслители, которые следуют законам логики.

Перед тем как уснуть, я понимаю, что знаю, кто это: все они. В темноте дома, окружающей меня, я чувствую, как все монстры ползут сквозь тьму. Рикки и Билли Уолкер крадутся по лестнице, шикают друг на друга. Ник Шипман стоит у входной двери с отсутствующей ухмылкой на его большом, округлом, лунообразном лице. Хансены роются в мусорном бачке с задней

стороны дома. Призрак приходит через дверь гаража. Тедди Волкер стоит в свете из холодильника. Бледный Король Мечты прячется в тени зеркала по другую сторону улицы.

В стене какой-то звук, частота сердцебиения у меня повышается. Я делаю восемь глубоких вдохов и говорю себе: может быть, шумит этот противный мальчишка. Нужно утром заглянуть в его комикс, проверить его на признаки агрессии, посмотреть, не будет ли он когда-нибудь угрозой мне. Даже восьмилетний мальчик может быть опасен, если у него есть информация обо мне.

Я чувствую себя голой. Они знали мои планы. Они знали мои выходы. Они побывали в моем компьютере. Они теперь в моем доме. Я чувствую, что надо мной совершено такое надругательство, что я больше никогда не буду ощущать себя чистой.

Я бросила Джулию. Я поступила правильно. Она бы сделала то же самое. У меня не осталось времени позаботиться о ней. У меня было время только на то, чтобы спастись самой.

Я на всякий случай кладу две пятифунтовые гантели рядом с матрасом. Не хочу пристрелить ненароком мальчика доктора Кэрол. Я уж лучше его оглушу.

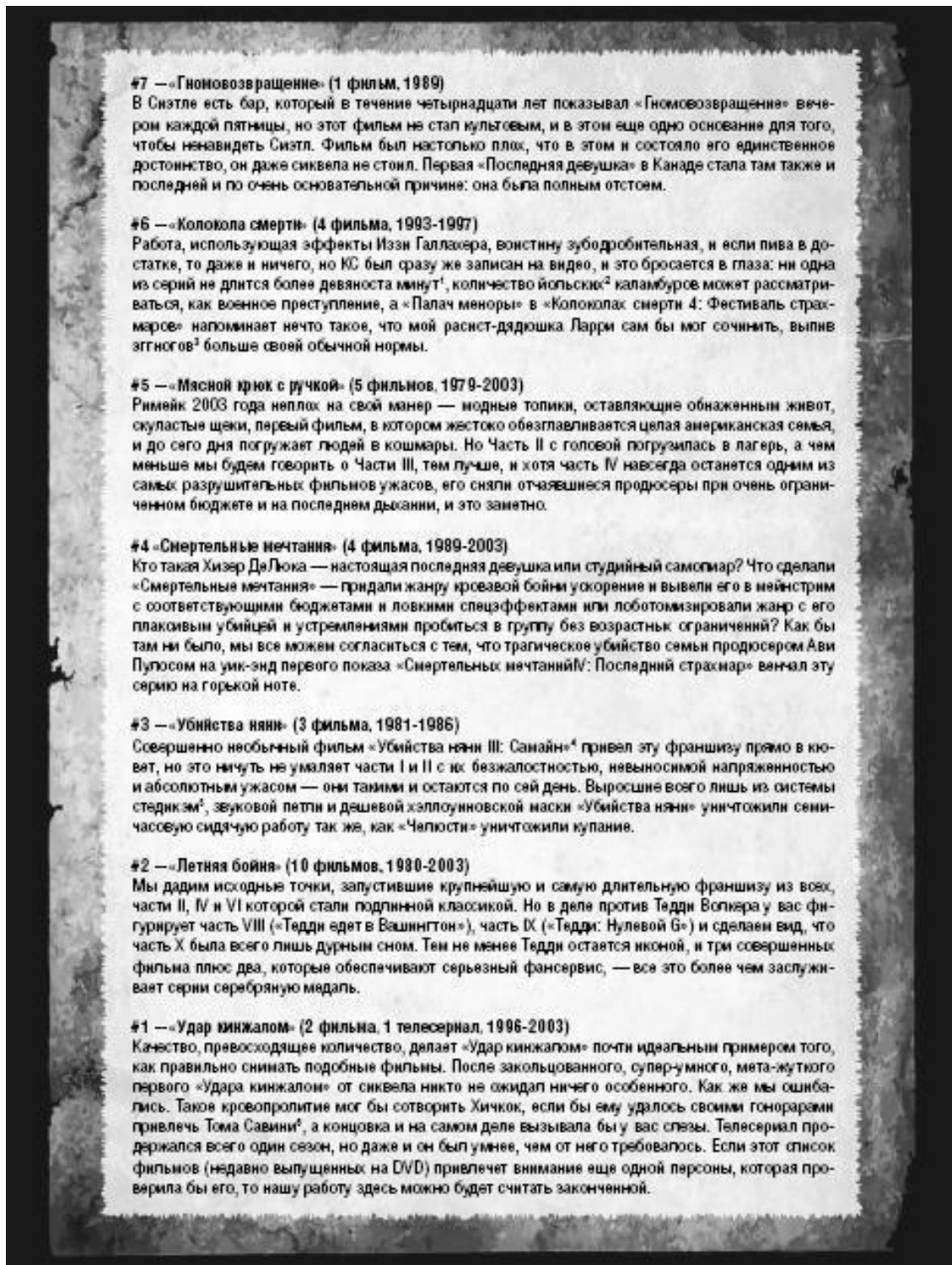
Когда я только приехала в Лос-Анджелес, я думала, что не выживу. Куда бы я ни пошла, за мной увивались мужчины. Я перестала выходить из дома. Перестала приходить на сессии группы. Тогда они принялись названивать мне в дверной звонок, и я поняла, что оставаться дома тоже опасно.

Дани сказала мне, что я должна научиться стрелять, так я буду чувствовать себя в большей безопасности, но я до этого не держала в руках оружия, как же я могла пойти в тир? Мне было невыносимо стоять спиной ко всем этим людям, лицом к пустому пространству, сосредоточившись на крохотном листе бумаги в семидесяти пяти футах от меня. Адриенн сказала мне, что на Красном озере идет обновление и там все еще есть тир. Она повезла меня туда.

Кроме нас, на территории лагеря никого не было, и мы провели там три дня, и я каждый день стреляла, пока у меня не немело запястье. Адриенн сидела рядом в своем белом свитере и джинсах, в красных защитных наушниках, прикрывала меня сзади. Сама она не верила в пистолеты, но она верила в меня.

Адриенн мертва. Джулия тоже, вероятно, мертва. Хизер, возможно, мертва. В мгновение ока половина моей жизни исчезла.

Неудобство сна на надувном матрасе в том, что, если ты начинаешь плакать, влага скапливается. Ей там некуда деться.

*Рассел Торн, «Рейтинги франшизы слэшера»

Журнал «Улица Морг», август 2010 ^{17 18 19 20 21 22}

¹⁷ На стандартную видеоманитонную VHS-кассету можно было записать фильм длительностью не более 90 минут.

¹⁸ От немецкого Йоль (Yule) — праздник середины зимы.

¹⁹ Эгтног — сладкий алкогольный напиток, сделанный из яиц, сахара, молока (или сливок), алкоголя.

²⁰ Кельтский праздник окончания уборки урожая.

²¹ Система, позволявшая закреплять камеру на телеоператора, что обеспечивало большую устойчивость камеры.

²² Том Савини (род. 1946) — американский постановщик спецэффектов, гример, режиссер и актер.

Группа поддержки последней девушки VI: Следующее поколение

Я не сплю, я не закрываю глаз, но каким-то образом вхожу в транс, из которого время словно вырубается целыми кусками. Я не вижу, как встает солнце. Я не слышу, как щебечут птицы. Но вдруг уже утро, и кто-то пытается открыть дверь ко мне, забивает ее в эллиптический тренажер, снова и снова колотит, словно сбитый с толку робот.

бух... бух... бух...

Я проснулась, встаю, пистолет у меня в руке, и тут Кэрол просовывает внутрь голову.

– Линнетт... о господи.

Она ныряет назад, оставляя дверь открытой.

– Вы одна? – спрашиваю я.

– Вы принесли оружие в мой дом? – спрашивает она из-за двери.

– ...Да?

– Линнетт, вы все еще держите меня под прицелом? – спрашивает она.

– Нет, – лгу я.

– Я понимаю, что вы здесь чувствуете себе угрозу, – говорит она. – Но в этом доме находятся мои дети. Вы должны позволить мне запереть ваше оружие в сейф, пока вы здесь.

– Я поставлю его на предохранитель, а пистолет не буду доставать из сумки, – говорю я. – Но запирать его где-то недопустимо.

Я засовываю пистолет в мою поясную сумку, но на предохранитель не ставлю. Дополнительные полсекунды могут определить разницу между жизнью и смертью. Потом я оттаскиваю тренажер от двери. Он, кажется, потяжелел со вчерашнего вечера.

Доктор Кэрол стоит в коридоре, на ней мягкий черный свитер и легкие серые слаксы. Она уже причесалась и накрасилась.

– Покажите мне, – говорит она.

Я открываю молнию на моей поясной сумке и показываю ей пистолет. Она из тех людей, которые никогда не держали в руках оружия, и теперь, оказавшись так близко к стволу, она нервничает. Она даже не проверяет, стоит пистолет на предохранителе или нет – я быстро застегиваю молнию на сумке.

– Я пришла узнать, будете ли вы завтракать, – говорит она.

Наверху в кухне я вижу мужчину со светлой щетиной на лице и растрепанными волосами, он стоит у раковины в трениках, грязных белых носках и футболке для лакросса²³, он пытается открыть упаковку бекона кончиком футового ножа для разделки мяса.

– Дай я сделаю, дорогой, – говорит доктор Кэрол, она подходит, забирает у него нож.

Он смотрит, как она делает его работу, и я понимаю, что это ее второй сын, Скай. Видя, какой он взрослый, я чувствую себя старухой. Он жилистый, телесного жира на нем почти нет. Вероятно, он бегают. Он выше меня, у него более длинные руки, хорошая выносливость. Я могла бы его уложить, но в таком случае мне потребуются первые удары быстро и весомо. Это я и отмечаю, а не то, что он привлекателен для своих лет, не то, что у него красивый подбородок.

– Почему вы все еще здесь? – спрашивает Пэкс, материализовавшись по другую сторону стола и поднося ко рту остаток тоста.

– Потому что она – наша гостья, – говорит доктор Кэрол. – Локти.

Он снимает локти со стола и продолжает облизывать тост.

²³ Разновидность командной игры с мячом.

– Не моя, – говорит он.

– И не моя, – говорит Скай от раковины. – Я не знал, что ты выпускаешь в дом пациентов.

– Вам обоим нужно вести себя уважительнее, Скай, – говорит доктор Кэрол, вскрыв наконец пакет бекона. Она несет бекон к плите.

– Только жарь подольше, – говорит Пэкс. – Суперхрустящие.

Грустно видеть женщину, которая оттащила нас от края пропасти, в роли официантки для своих детей. В конечном счете... В конечном счете их мать перестанет быть для них поварихой, прачкой, горничной. Они обманут каких-нибудь женщин, которые выйдут за них замуж, и снова станут бесплатно получать все эти услуги.

Доктор Кэрол готовит яичницу, бекон, пшеничные тосты и фруктовые коктейли. Я беру фрукты. Я предпочитаю есть расфасованную еду, а если нахожусь в небезопасной среде, то лучше всего у меня идут фрукты.

Все сидят за столом, кроме Пэкса, который стоит на своей табуретке и лениво крутится из стороны в сторону, поедая свой тост и так широко раскрывая рот, что я вижу коричневые хлебные мякиши. Он смотрит на брата и ухмыляется. Скай отвечает ему улыбкой.

– Это к чему? – спрашивает доктор Кэрол, которая хочет быть допущенной к шутке.

– Пэкс хочет что-то сказать, – говорит Скай.

– Нет, – говорит Пэкс и мотает головой, прижимая ладонь ко рту.

– Не стесняйся, Пэкс, – подбадривает его доктор Кэрол.

Пэкс смотрит на меня и старается сохранить серьезное лицо.

– Миленькая вешалка, – говорит он и со смехом спрыгивает со стула.

Что-то теснится в моей груди.

– Пэкс! – говорит искренне потрясенная доктор Кэрол. – Как некрасиво!

Я сто лет не видела таких футболок, но явно кто-то гуглил меня. Я отказываюсь пускать себе под кожу этого бесполезного мальчишку.

– Ничего страшного, – говорю я доктору Кэрол. Потом устремляю глаза на Пэкса. – Ты хочешь увидеть шрамы? Хочешь посмотреть, как забавно они выглядят?

Доктор Кэрол явно не понимает, как вырлиться из этой ситуации. Пэкс чувствует, что его матери неловко, и перестает смеяться.

Я скрещиваю руки в запястьях и хватаю подол моей футболки.

– Могу тебе показать, если уж ты так интересуешься.

– Иди наверх и подготовься к школе, Пэкс, – говорит доктор Кэрол.

Мы все провожаем его взглядом. У нижней ступени он поворачивает назад голову, видит, что все мы смотрим на него, и припускает вверх по лестнице.

– Я интересуюсь, – раздается тихий голос.

Скай смотрит на меня.

– Прошу прощения, – говорит он. – Когда мама сказала мне, кто вы, я погуглил вас, а Пэкс увидел.

– Никому из своих друзей ты не должен говорить, что Линнетт здесь, – говорит доктор Кэррол.

– Конечно, – говорит Скай.

Я встаю.

– Линнетт, я не хочу, чтобы вы это делали, – говорит доктор Кэрол.

Я поворачиваюсь и приподнимаю подол футболки, но не выше груди.

Шрамы над поясницей у меня самые страшные. Их я и показываю Скаю. Я чувствую его взгляд своей кожей. Он охает.

– Почему они такие жуткие? – спрашивает он.

– Вся сила удара пришлась на лобный отросток и на рога, – сообщаю я, отворачиваясь от него, говоря в окно. – Королевский олень расковыривал меня по кусочкам, пока я там висела.

– И что вы чувствовали? – спрашивает он.

Я опускаю подол футболки. Мои шрамы обычно поражают людей на месте. На меня производит впечатление, что он способен говорить. Лицо его матери бледно.

– Было больно, – говорю я. – И унижительно. – Но по прошествии первых пяти часов боль стала казаться нормальной.

– Хватит на эту тему, – говорит доктор Кэрол.

Мы втроем возвращаемся к еде, но я ловлю взгляды украдкой, которые бросает на меня Скай. Мы заканчиваем есть, и он исчезает в своей комнате. Оба они, Пэкс и Скай, оставили грязные тарелки мыть и ставить в сушилку доктору Кэрол. Без моего компьютера, без чистки моего оружия, без моих систем и моего расписания я не знаю, кто я. Я стою в углу, стараясь не выглядеть смущенной. Я испытываю облегчение, когда доктор Кэрол заканчивает мыть тарелки, оставленные ее сыновьями, и говорит:

– Пойдемте в мой кабинет.

Кабинет представляет собой пристройку с множеством окон. Пристройка расположена в задней части дома и выходит на обнесенный стеной сад, заросший бамбуком. Глядя на гигантские окна и балконные двери, я начинаю нервничать.

Я забираюсь на оттоманку, прислоняюсь спиной к одной малой полоске стены, пытаюсь получить полный обзор вокруг себя. Доктор Кэрол погружается в кресло, начинает говорить безапелляционным тоном.

– Я извиняюсь за поведение Пэкса, – говорит она. – Ему восемь лет, и он не знает, что такое эмпатия. Но я не хочу, чтобы вы реагировали на моих мальчиков так, как вы это делаете сейчас.

– Он задал вопрос, – говорю я.

– А вы задрали на себе футболку, – говорит она. – Я знаю, время сейчас трудное, но здесь мой дом, моя семья, и здесь действуют мои правила. Если вы не будете все это уважать, мне придется попросить вас уйти.

Я обдумываю имеющиеся у меня варианты. Их совсем не много.

– Я остаюсь, – говорю я.

– И? – говорит она.

– Я буду уважать ваши границы.

– Спасибо.

Она лишь немного старше меня, но я столько лет под ее наблюдением, что позволяю ей говорить со мной, как матери. Я хочу, чтобы она была довольна мной. Я ни за что не хочу потерять группу.

Нас прерывает успокоительная трель цифрового звонка.

Она берет свой телефон, говорит что-то неразборчиво приглушенным голосом. Я знаю, известия не самые приятные, потому что она три раза переводит взгляд на меня.

– Хизер? – спрашиваю я, когда она заканчивает.

Она некоторое время рассматривает жесткий соломенный коврик между нами, потом поднимает глаза и вглядывается в мое лицо. Ей явно не нравится то, что она видит. Потом выражение ее лица меняется – и она снова старый добрый доктор Кэрол, теперь публичная маска туго натянута на ее лицо.

– Дани стреляла в полицейского, – говорит она. – Ее задержали.

– Что? – спрашиваю я.

Я думаю медленно, мысли глупые, я чувствую себя жертвой.

– Я вынуждена попросить вас позволить мне хранить ваше оружие.

– Неужели вы не понимаете, какая опасность нам грозит? – спрашиваю я. – Сначала Адриенн, потом Джулия и Хизер, теперь Дани?

– Связаны эти явления или нет, – говорит доктор Кэрол, – я не допущу оружия в моем доме.

– Нет, – говорю я.

Она распрямляет плечи, встречается со мной взглядом, переходит в свой профессиональный режим.

– Позвольте, я запру ваш пистолет, иначе вам придется уйти, – говорит она.

Я прибегаю к гипервентиляции. Опускаю голову между колен, пытаюсь расслабить горло. Пытаюсь сделать несколько глубоких вдохов. Я буду открыта со всех сторон. Я буду беззащитна. Но я не могу оставить этот дом. Там мне будет еще труднее. Что случилось с Дани?

Я заставляю мои горловые мышцы расслабиться, я нагоняю кислород в легкие и наконец достаю из поясной сумки пистолет и передаю его доктору Кэрол, потом я извиняюсь, иду в туалет и спускаюсь в подвал. Там я расстегиваю потайное отделение моего тревожного рюкзака и достаю малокалиберный .22, прячу его в свою поясную сумку. Одного было мало.

Когда я поднимаюсь назад из подвала, она знакомит меня с недавними событиями.

Недели две назад полиция штата Нью-Джерси по какой-то причине заново открыла дело Дани. Видимо, нашли что-то, потому что они связались с ФБР, а ФБР связалось с местным шерифом, который заверил их, что у полиции с Дани прекрасные отношения. Этим утром с первыми лучами солнца шериф повез представителя ФБР к Дани на ранчо и попросил ее поехать с ними на допрос. Они не приняли во внимание Мишель.

Рак Мишель убивает ее. Как об этом рассказывает Дани, болезнь два месяца назад резко вошла в новую фазу, и теперь она каждый день сидит у смертного одра. Ей везет, если у них выдается то полчаса спокойных, то двадцать сносных минут, так Дани проводит дни, пытается слатать из отдельных фрагментов побольше времени без боли, а тем временем женщина, которую она любит, умирает. Они провели вместе девятнадцать лет, и Дани ничему, кроме группы, не позволит оторвать ее от Мишель.

Шериф предложил допросить ее в гостиной. ФБР не соглашалось. Она должна ехать в отделение. Точка. Дани только что вернулась из Лос-Анджелеса. Она сказала им, чтобы они ушли с ее собственности. Когда они отказались, она вошла в дом и вернулась с пистолетом. Начала стрелять.

Я не могу поверить, что Дани пристрелила копа. Она законопослушный избиратель, она позволяет департаменту местного шерифа пользоваться уголком ее собственности – они там ежегодно устраивают барбекю. Она оборудует там для них тир, и они бегают и стреляют на синхронизированных маршрутах, пробивают мишени из металла, которые она нарезает для них, пока Мишель жарит свинину. Копы – ее герои, и я помню, как тяжело она восприняла 9/11. Так что мне трудно поверить, что она пристрелила какого-то полицейского.

Доктор Кэрол тоже не вполне верит в это, и потому она звонит разным людям, пока не доискивается до истины.

– Никого она не застрелила, – со вздохом облегчения говорит наконец доктор Кэрол. – Тут произошла путаница. Она стреляла в воздух. Ее обезвредили тазером. Я знала: она никогда не наведет оружие на полицейского.

Оказывается, что это не единственная хорошая новость.

– И Джулия жива, – говорит она. – В нее попали три пули, и сейчас она в отделении интенсивной терапии, но пока без сознания.

– Я знала, что она жива, – говорю я, чувствуя, как расслабляются мои плечи. Я даже не отдавала себе отчета, насколько я испугана.

Доктор Кэрол продолжает:

– Должна вам рассказать не слишком радостную новость о Дани. Причина, по которой они возобновили расследование того дела. Кто-то другой признался в этом преступлении.

Я смотрю ей в глаза.

- Ее нужно поместить под надзор в целях предотвращения самоубийства, – говорю я.
Доктор Кэрол кивает.
– Я позвоню.

* * *

Убить непросто. Убить брата непросто вдвойне. А найти того, кто убил твоего брата, – вообще самая нерешаемая задача на свете. Доктор Кэрол имеет возможность пробиться к кому-то, и они переводят Дани в камеру с наблюдением. Она всю дорогу отбивается от них, кричит, зовет Мишель. Копы прислали «скорую» и перевели Мишель в хоспис. Не могу себе представить, чтобы, с учетом состояния Мишель, это продлило ее дни. Они любят это ранчо, и Дани обещала Мишель, что та умрет здесь. Дани ничто так не ненавидит, как нарушение собственных обещаний. Она сейчас просто в аду.

Для нее это знакомое место.

В восьмидесятые старший брат Дани Ник любил убивать животных. Он был крупный и трудно контролируемый и считал забавным причинять боль тем, кто меньше его. Когда Дани было семь, Ник как-то вечером напал на их няню. Он так ее изуродовал, что его пришлось отправить в исправительное заведение. Родители взяли Дани на свидание с ним в день его восемнадцатилетия. Ей тогда было десять. Она говорит, его так накачали «Торазином», что он даже глотать толком не мог, а грудь его рубашки была до прозрачности пропитана слюной. Больше она никогда туда не ходила.

– Я была ребенком, но это не оправдание, – сказала она в группе. – Я должна была приходить к нему.

В следующий раз она увидела Ника, когда ей исполнилось семнадцать. Гроза оставила заведение без электричества, и нескольким обитателям удалось бежать. Ник украл несколько комбинезонов и пробрался в их чудный маленький пригород, он хотел понять, почему его младшая сестренка не приходит к нему. Он надел маску. У него при себе был нож. Наступил Хеллоуин.

Дани в тот вечер подрабатывала няней, собирала деньги на переезд. К тому времени она уже знала, что она квир, и хотела поскорей убраться из Нью-Джерси куда подальше от Восточного побережья. Она хотела уехать на Дикий Запад, где чистый воздух, где пасутся на свободе кони, где она, может быть, найдет ковбойскую любовь.

Ник в маске прошел по всей округе – искал Дани. По пути он убил четырех человек и двух собак. Кто-то сказал мне, что одну собаку он пытался съесть. Наконец он нашел Дани. Она оказала ему сопротивление, дом был разгромлен, и в конечном счете она нанесла ему рану его же ножом. Копы появились в последнюю минуту и стреляли в него, пока он не вывалился из окна второго этажа. Тела его так и не нашли.

Мы подвержены сиквелам. Вот что делает наших парней другими, вот что делает их монстрами – они возвращаются. Брат Дани вернулся в ту же ночь.

Копы отвезли ее в больницу, накачали лекарствами и уложили в палату, а у двери поставили копа для охраны. Ник прошел через все преграды, как гнев Господень. Погибли одиннадцать человек. Именно это всегда расстраивало Дани больше всего. Погибли доктора, сестры, копы, фельдшеры. Те люди, которые бежали навстречу природным катаклизмам, спешили на место дорожных происшествий, а не в другую сторону. Как говорила Дани, некоторые из них бросались наперерез Нику, чтобы выиграть для нее время, чтобы спасти ее. Она говорила, что они ни на секунду не задумывались.

Дани нашла Ника в парковочном гараже больницы. Он спускался по одному из пандусов, шел прямо на нее, без маски, просто двигался вперед, улыбаясь ангельской улыбкой. Она вышибла ему мозги монтировкой. Выбора у нее не было.

Фанаты Ника образовали посмертный культ в честь своего павшего бога. Шли годы, и они усиленно распространяли слухи о том, что человек в маске, убивавший людей, и брат Дани – два разных человека.

– Вы думаете, это правда? – спросила я у доктора Кэрол.

– Не мое дело строить догадки, – ответила она.

В этом и состоял кошмар Дани: а что, если она убила не того человека? Один из обитателей заведения, бежавший тем же вечером, так и не был найден. Гарри Питер Уарден, крупный парень, своими размерами не уступавший Нику, с историей насильственных преступлений за спиной, недержания мочи, издевательств над соседскими животными. Что, если Ник и этот парень вместе дошли до ее пригорода? Ник рассказал парню о своей сестре, о том, что очень хочет увидеть ее, говорил про нее всю дорогу. Никто не может сказать наверняка. Убийца так ни разу и не снял маску.

В голове у Дани застряла мысль: а что, если именно Ника она и встретила на парковке? Что, если это был Ник с кровью, насыщенной «Торазинном», что, если это был он, если он хотел, чтобы его сестра отвела его куда-нибудь в теплое место, накормила куриной лапшой, как это когда-то делала мама? Что, если это был ее брат, который наконец вернулся домой и хотел спросить у нее, почему она никогда не приезжала к нему, а она его убила монтировкой?

Я единственный раз видела Дани плачущей – когда она рассказывала нам об этом.

Как кто-то мог узнать об этом? Откуда кто-то мог узнать, что это самый большой страх Дани?

Об этом узнали, потому что она сама говорила об этом в группе.

Об этом узнали, потому что об этом прочли в какой-то книге.

* * *

Музыка сотрясает дверь Ская. После множества раздраженных разговоров по телефону доктор Кэрол убедила себя в том, что ей удалось убедить меня в лучшей линии поведения – обратиться в полицию. Теперь, когда Адриенн мертва, Дани задержана, Джулия в больнице, а Хизер пропала (а еще подозревается в поджоге), чем скорее мы начнем разбираться со всеми этими делами в полиции, тем лучше. Полиция начнет задавать вопросы, а мне придется сотрудничать. Я согласилась.

– Я плохо соображаю от усталости, – сказала я. – Дайте мне сегодня привести в порядок голову, а завтра утром мы с утра поедem в полицию.

Доктор Кэрол обняла меня.

– Я не сделаю ничего такого, что поставило бы вас в ситуацию, которая могла бы вам навредить, Линнетт, – сказала она. – Я сделаю все, чтобы вам ничто не угрожало.

У меня нет ни малейшего намерения оставаться здесь до завтрашнего рассвета.

Дверь Ская не заперта, она распахивается, и его музыка наезжает на меня, как грузовик. Я заблудилась на фривее басового боя и автотюна²⁴. Этот звук калечит воздух. Я вхожу в дверь и закрываю ее за собой.

Судя по запаху, здесь хранятся чистящие средства: уничтожитель запахов и ковровый шампунь. Не зловоние немытого подростка, хотя грязная одежда здесь повсюду разбросана по полу, грудой лежит в одном углу, торчит из сумки, свалена на мятую кровать. Ковер в комнате имеет какой-то нейтральный свет – лубяного волокна? Морского берега? Песчаника? – и Скай за своим столом, без рубашки, спиной ко мне за своим высокочтимым компьютером. Комната погружена в полутьму, только за столом горит галогенная лампа. Я выкрикиваю его имя, но

²⁴ Auto-Tune (рус. автотюн) – аудиопроцессор для измерения и изменения высоты звука при записи и исполнении вокальной и инструментальной музыки.

музыка заглушает его. Как же люди делают себя такими уязвимыми? У меня к монитору компьютера липкой лентой приделано зеркало, чтобы всегда видеть, что у меня за спиной.

Кажется, он трет живот, а когда я подхожу поближе, я вижу: шорты у него спущены на колени. С насилием я знаю, как сладить, но от того, что я вижу, во рту у меня образуется сушь и ладони начинает покалывать. Я думаю, это естественно, если ты видишь, как мастурбирует двадцатилетний сын твоего психотерапевта.

Я внезапно остро чувствую мое тело под моей грязной одеждой. Я не знаю, что мне делать – то ли похлопать его по плечу, то ли развернуться и выйти из комнаты. Пока я взвешиваю варианты, он краем глаза замечает мою фигуру, вскакивает со стула, перепуганный, он тится прикрыться, пугается от меня, приспущенные шорты ограничивают его возможность двигаться, ладонями он прикрывает пах, теряет равновесие, начинает размахивать руками и тяжело приземляется на задницу, его член съезжается на глазах.

– Все в порядке! – кричу я, показывая ему ладони: я не вооружена.

Я не слышу, что он говорит, из-за музыки, но я читаю по его губам: «Черт побери!» и «Убирайтесь к чертям из моей комнаты!»

Он подтягивает шорты на место, натягивает на себя футболку с надписью «Охота и рыбалка Пабло». Он берет пульт и убирает звук до такой степени, что он почти не сотрясает мою челюсть.

– Я скажу матери, – говорит он.

Но я вижу, что он не выкидывает меня из своей комнаты. Вот вам двадцатилетний парень: посторонняя женщина застает его за рукоблудством, но он не пускается во все тяжкие, потому что думает, а вдруг чего обломится.

– Она знает, что вы такими вещами занимаетесь? – спрашиваю я.

Он хмурится, словно не понимает, о чем я говорю, но я киваю в сторону его компьютера, и его щеки краснеют, он бросается к своему столу и опускает крышку ноутбука. Никогда не перестану удивляться тому, что может возбуждать среднего американца.

– Вы чего хотите? – спрашивает он. Он злится, потому что смущен.

Я не могу это допустить. Мне нужно, чтобы он помог мне по собственному желанию.

– Верьте мне, – говорю я. – Я видела такие штуки, рядом с которыми ваше порно просто «Дора-путешественница»²⁵.

– Пожалуйста, не говорите, – дальше его голос звучит тише, – «ваше порно».

Я думала об этом все утро. Не люблю никого просить, но я думаю, если он сын доктора Кэрл и обитает здесь, в этом доме, то я буду дурой, если не попробую. И я должна перетянуть его назад – на мою сторону.

– Вы и вправду компьютерный умелец? – спрашиваю я.

– Я сделал сайт и электронную почту для бизнеса матери, – говорит он.

– Мне нужно, чтобы вы подвезли меня до моей квартиры, помогли проникнуть внутрь и сказать мне, кто побывал в моем компьютере, – говорю я.

– Зачем?

– У меня нет машины, поэтому я прошу вас подвезти меня, мне будет нужна ваша помощь, чтобы проникнуть внутрь, потому что полиция ведет наблюдение за моим домом, а мне нужно, чтобы вы узнали, кто побывал в моем компьютере, потому что я хочу знать, кто пытается убить моих друзей. Я предполагаю, вы захотите деньги за это.

– Сколько? – спрашивает он.

– Пятьсот долларов.

– Отлично, – говорит он. – Жду вас внизу в десять. Собирайтесь.

²⁵ Американская серия и франшиза детской компьютерной мультипликации.

Он возвращает громкость на прежний уровень, и желе в моих глазницах снова начинает трястись.

Я доверяю доктору Кэрол в той же мере, что и всем остальным, и это распространяется и на ее детей. Я дожидаюсь, когда ей позвонят и она начнет разговор на кухне, и возвращаюсь в ее солнечную пристройку, запираю замок на двери ее кабинета с помощью старой библиотечной карточки, которую храню для таких дел. Если она сама не может завести себе электронную почту, то, вероятно, ведет дела на бумаге. И точно: я нахожу архивный шкаф под ее длинным столом.

Я прежде всего просматриваю верхний ящик справа от ее кресла, предполагая, что тут она держит свои семейные бумаги, и радуюсь тому, что попадаю в самую точку. Эллиотт Пэкс, а следом Эллиотт Скай. Если я сегодня вечером закупорюсь в машине Скай, я хочу понимать, какого рода угроз мне следует опасаться.

У Скай имелась выписка об академической успеваемости из Калифорнийского университета в Беркли, никаких дисциплинарных взысканий, никаких арестов. Никаких лекарственных средств ему не прописывали, если не считать «Олопатадина» от сенной лихорадки. Никаких психиатрических отклонений, только короткое лечение у логопеда в детстве – ему тогда никак не давался звук «р». Он чист, вернее, чист настолько, насколько может быть чист мужчина. Это мне подойдет.

Я отвожу себе еще минуту, чтобы заглянуть в другие ящики. Имена пациентов, сначала фамилии, одна за другой: Диер, Сандра; Клейн, Дебора; Мейсон, Тамара; Морейн, Вайолет; Санчес, Вера. Одни женщины, что не так уж и странно, поскольку доктор Кэрол специализируется на жертвах насилия, а это единственное, что женщинам достается с избытком. Я пролистываю несколько дел и вижу, что все это женщины, встретившие монстра, но не убившие его. Последние девушки в зародыше.

Я закрываю ящик и проверяю стол. Над ним висят дипломы в рамочках, цитаты, фотографии – вот она пожимает руку Арнольду Шварценеггеру, обложка журнала «Тайм» с ней, Адриенн и Джулией. Я не общалась с прессой, а они прежде делали это. При мысли о том, что ты вот так стоишь на глазах у всех, у меня мурашки по коже бегут.

Рядом с ее компьютером стоит накопитель для папок, и в нем единственная папка из манильской пеньки. Я раскрываю ее и вижу знакомое лицо, прикрепленное к обложке изнутри: Фьюгейт, Стефани, она усмехается так, как больше никогда уже не усмехнется. Что-то есть в этой улыбке, что-то блаженное и незащищенное, и оно включает память, и я вижу улыбку Джиллиан и стараюсь больше не думать о Джиллиан, я стараюсь вообще любой ценой выкинуть ее из головы, потому что иначе я начинаю думать о том, что с ней случилось, и тогда все возвращается ко мне точно, как оно и случилось, и я выхожу из кабинета доктора Кэрол, запираю дверь и тут же снова начинаю плакать.

Я сижу в спортивном зале, смотрю на стену, что против меня, и стараюсь не думать о Джиллиан, о том, как мне не удалось спасти ее, определенно стараюсь не думать о том, что я убежала и оставила Джулию лежать у меня на полу. Я долго, долго думаю об этом. Я не могу сделать ни шага до вечера, а время просто исчезает, когда я начинаю думать обо всех случаях, когда я подводила кого-нибудь из моих знакомых. Когда Пэкс стучит в мою дверь и спрашивает, пойду ли я обедать, я прошу его передать матери, что я сегодня лягу рано. Завтра мне предстоит большой день с копами.

* * *

Я знаю – мы пациентки доктора Кэрол, но когда я увидела эти папки, у меня появилось ощущение, что я экспонат коллекции, трансформер ограниченной серии, бабочка, приколотая к доске. Прежде чем вернуть на место, я просмотрела папку Фьюгейт Стефани. Она была на

Красном озере, потому что три года назад, когда ей было тринадцать, ее школьный тренер по теннису начал травить своих игроков, одержимый идеей создать чемпионскую ракетку, и Фьюгейт Стефани догадалась об этом во время встречи в его кабинете, прежде чем он успел дать ей смертельную дозу. «Красное озеро» было не первым ее кризисом, оно было сиквелом. Сегодня она похожа на всех нас, остальных. Бедная малышка. Еще одна куколка из коллекции доктора Кэрол.

Когда мои часы показывают 21:57, я тихонько выхожу в коридор, тревожная сумка висит у меня на плечах, ременная сумка висит на поясе. Я слышу, как доктор Кэрол в доме разговаривает с кем-то по телефону, она говорит четким, уверенным голосом, который стихает, когда я пробираюсь к боковой двери, где меня ждет Скай.

– Готовы? – шепчет он.

Я опускаю глаза. На нем тяжелые черные военные берцы, слишком большие и шумные, чтобы незамеченным выйти из дома.

– Поменяй ботинки, – шепчу я.

– Это же мои «АндерАрмур»²⁶, – шепчет он в ответ. – Они пробуждают страх.

Я закатываю глаза. Мальчики и их игрушки. Он открывает боковую дверь, и мы оба прислушиваемся, но непрерывный голос доктора Кэрол эхом отдается в кухне. Это хороший знак. Мы проскальзываем в гараж. Его ботинки и в самом деле производят тот шум, которого я опасалась.

– Эй! – раздается пронзительный голос, прежде чем я успеваю закрыть кухонную дверь. – Вы это куда?

Это Пэкс. Я начинаю закрывать дверь перед его носом, но он хватается за дверное полотно.

– Вы тайком? На свиданку?

– Закрой рот, – шепчу я.

Но я не знаю, что делать дальше. Ударить его? Связать и засунуть в рот кляп? Я поворачиваюсь к его брату.

– Не говори маме, – шепчет Скай Пэксу.

Глазки маленького придурка сужаются до булабочных головок.

– И сколько тебе заплатили? – шепчет он.

Хорошо хоть теперь шепчет, а не орет.

– Вам лучше дать ему что-нибудь, – говорит мне Скай.

²⁶ Under Armour – американский производитель спортивной одежды и обуви.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.